

Издательство ИНДРИК, 2012

Москва

www.indrik.ru

ISBN 978-5-91674-220-6

Предисловие

С автором этой книги, Александром Щипковым, мы знакомы много лет, на протяжении которых не раз обсуждали как отношения РПЦ МП с государством и обществом, так и непосредственно внутрицерковные проблемы. За моими плечами двадцатилетний стаж законодательной работы в ЗАКС Санкт-Петербурга и в Федеральном собрании России. Мне приходилось решать сложные юридические и практические задачи, связанные со строительством храмов, возвращением имущества религиозного назначения, обустройством приходской и даже богослужебной жизни, в частности вопросы совершения литургии в музейных зданиях, которые признаны памятниками мирового значения и принадлежат государству. Я не понаслышке знаю о реальных проблемах и конфликтах в этой деликатной сфере, о порой жестком столкновении интересов бизнеса и религиозных общин, о чиновниках, которые препятствуют реализации конституционного права граждан на свободу совести. Видал разное. Но сегодня у меня возникает стойкое

ощущение, что в последнее время людей православных взглядов усиленно стараются столкнуть с государством и противопоставить общественным интересам. На Церковь, традиционно дистанцирующуюся от политики и занимающую позицию общественного миротворца, на членов общин и приходов оказывается сильнейшее информационное давление. Антицерковная кампания, длящаяся около полутора лет, нынче перешла границы светской этики и здравого смысла. Доходит до прямых оскорблений религиозных чувств православных верующих. Меня тревожат попытки вбить клин между Церковью и обществом, между Церковью и государством.

Церковь является традиционной хранительницей общественной морали. В отсутствие авторитета Церкви и религиозных убеждений общество лишается необходимого морального камертона. Оно начинает терять иммунитет по отношению к деструктивным явлениям: экстремизму, социальной и национальной нетерпимости. Кроме того, общество, в котором перестают действовать негласные моральные договоренности, утрачивает единство. Оно не может быть стабильным и не поддается ни оздоровлению, ни реформированию. В нем нарастает правовой нигилизм. Именно такие последствия может иметь современная информационная атака на Церковь.

В цивилизованной стране это недопустимо, под какими бы лозунгами не проводилась антицерков-

ная кампания. Об этом свидетельствует весь мировой опыт. Например, господствующую во многих странах Европы и в США протестантскую этику не принято связывать с какой-либо конкретной церковью или видеть за ней угрозу средневековой «клерикализации». Распространение христианского мировоззрения в таких странах, как Англия, США, Италия или Польша никогда не служит поводом для подозрений в нарушении светских принципов государства.

В России же уровень восприятия проблемы церковного влияния в обществе крайне неудовлетворителен. Сама проблема вызывает порой не вполне адекватную реакцию в ряде СМИ, проповедующих высокомерное презрение к любым традиционным ценностям. Культурная и социальная роль православной традиции игнорируется, вопрос об универсальных православных ценностях упорно увязывается с узкими церковными интересами.

Но даже во времена советского принудительного атеизма этические принципы христианской общности не были изжиты в нашей стране. И даже больше. Под лозунги о «перековке» и воспитании «нового человека» эти принципы, хоть и под другими названиями, нередко использовались для целей общественного строительства. Из традиции был взят тот минимум, без которого моральные скрепы, соединяющие общество, неизбежно распадаются вопреки любому политическому контролю.

Волею истории наша страна несколько раз шла по пути отрицания собственной идентичности — сперва «византийской», потом имперской-европейской, наконец, советской. Но это путь в никуда. Единственный элемент российской идентичности, который пережил исторические катаклизмы и остается в силе — элемент православный. И он не сводится только к жизни приходов. В произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тютчева, Булгакова, Бунина, в музыке Бородина, Римского-Корсакова, Рахманинова культурные и моральные основы православия представлены не в меньшей степени.

Подлинную этику невозможно выдумать. Любая светская этика всегда является производной от этики религиозной и основана на традициях того народа, который в соответствии с ней живет. Неудивительно, что именно на основе православия можно выстраивать историческую преемственность России как государства. Но работающая традиционная этика требует прежде всего терпимости и согласия. Поэтому граждане России православных убеждений, как и представители любых других традиционных конфессий, должны быть надежно защищены от нетерпимости по отношению к ним. Если же речь идет о свободной дискуссии, то Церковь должна иметь все возможности для защиты своей позиции и пользоваться таким же свободным доступом к общественной трибуне, как и ее оппоненты.

Как эксперт Александр Щипков обладает точным взглядом на происходящие события и честной гражданской позицией. Как публицист он бывает порой горяч. Но это то самое горение, которое лучше теплохладного безразличия. Не всегда и не во всех деталях я могу с ним согласиться, но его принципиальная позиция мне близка и вызывает уважение. Эта книга, безусловно, поможет остановить опасный в своем озлоблении поток ненависти, направленный сегодня на российское православие.

Статус Церкви, авторитет православия, а также всех традиционных религий, очень важно сохранить. Православные верующие, наряду с другими здоровыми силами, могут стать теми, кто готов наладить в обществе подлинный консенсус, несмотря на все внешние вызовы. Это был бы консенсус большинства, основанный на традиционных моральных и культурных ценностях российского народа, на уважении к его истории и менталитету. Консенсус, который позволил бы успешно решать в будущем масштабные социальные задачи.

Сергей Миронов

20 лет религиозной свободы

Предисловие автора

В 1991 году Русская Православная Церковь обрела независимость от государства и долгожданную свободу, потерянную триста лет тому назад. Невероятно много было сделано за прошедшие двадцать лет для возрождения ритма церковной жизни. Но мы должны понимать, что это слишком маленький срок для излечения тех увечий, которые были нанесены Церкви в романовский и советский периоды нашей истории. В 2011 году на государственном и прогосударственном телевидении, в ведущих печатных и сетевых СМИ началась информационная кампания против православия. К концу 2012 года эта кампания начала отчасти затухать, отчасти менять свой характер. Что же произошло, каковы причины той антиправославной агрессии, с которой столкнулось общество в период перехода политической власти от Медведева к Путину? Книга, которую вы держите в руках, пытается по горячим следам ответить на этот вопрос.

Мою позицию можно назвать предвзятой,

поскольку не скрываю двух вещей. Первое — принадлежности русскому православию. Второе — желания встать на защиту своей Церкви. При этом я не согласен с теми, кто утверждает, что объективно оценить сложившуюся сегодня религиозно-политическую ситуацию способны только эксперты, стоящие на секулярных позициях. Мы с интересом выслушиваем их оценки влияния религии на общество, государство и политический процесс, но предлагаем выслушать и наши.

Мою точку зрения не разделяют большинство специалистов, но я считаю, что никакого «второго крещения» Руси в 1991 году не было. Если и было, то исключительно в метафорическом смысле. Это образное выражение пришло на смену уже основательно заштампованной «дороги к храму». Единственное Крещение Руси состоялось более тысячи лет назад, а все, что потом, — это уже история нашего народа со всеми сложностями, издержками, темными страницами и многочисленными победами.

Многие публицисты, говоря о «втором крещении», утверждают, что именно политические изменения повлияли в 1991 году на духовное и религиозное состояние граждан. Это в принципе неверно. Наша внутренняя религиозная жизнь не может зависеть от политических процессов, а только от тех, которые идут внутри каждого христианина и внутри Матери-Церкви. Конструируя модель «второго

крещения» и увязывая ее с политикой, мы попадаем в интеллектуальную ловушку.

Религиозных граждан после 1991 года больше не стало. Равно как не стало их меньше. В советские годы официальная статистика показывала, что неверующих — 85%, а верующих — 15%. После 1991 года социологи начали рисовать кривую стремительного роста, показывая 60% религиозных людей уже к концу 1992 года, а вскоре и все 80–85%. Возникает логичный вопрос: а откуда эти «новые верующие» взялись? Какая причина породила этот религиозный взрыв?

Я просматривал провинциальные авторефераты 60–70 годов прошлого века по научному атеизму, где приводились результаты региональных замеров. Эти цифры заметно превышали общие показатели по СССР (85 на 15). Например, на Орловщине — 20% верующих, а на Ставрополье, в районе повышенной религиозности, — до 40%. Не исключаю, что данные в полтора-два раза были еще и уменьшены в угоду идеологии. Эти цифры натолкнули меня на мысль, что советские вожди прекрасно знали реальный уровень общей религиозности в СССР. И этот уровень составлял 85%. Советской пропаганде ничего не оставалось делать, как просто перевернуть данные. А сегодня цифры встали на свое место, вот и все.

Вывод простой: не было никакого взрыва религиозности, не было никакого «второго крещения».

Более того, я уверен, что и во всем остальном мире, в любой стране уровень религиозности примерно такой же — 85 на 15. Я говорю об этом уже двадцать лет, коллеги помалкивают и продолжают писать диссертации о причинах несуществующего феномена — религиозного взрыва 1988–1992 годов. На самом деле куда более интересная и важная тема — качество веры у этих 85%. Вот здесь — непаханое поле и для ученых, и для Церкви. Так что нужно помнить: если вы сталкиваетесь с антирелигиозной пропагандой в СМИ, то это борьба пятнадцати с восемьюдесятью пятью.

Большая часть населения России идентифицирует себя с православием. Подавляющее большинство крещено. То есть эти люди являются членами Русской Православной Церкви. Можно провести очередной опрос и посчитать количество религиозного населения. Но «качество веры», то есть степень погруженности в религиозную жизнь посчитать невозможно, поскольку это область чувств, область иррационального. Поэтому если респондент заявляет о том, что он православный, то он таковым и является. Мы не имеем права ставить это под сомнение и подозревать в неискренности.

Есть еще одна очень распространенная и ошибочная позиция, которая утверждает, что 10% православных — искренне верующие люди («воцерковленные», «практикующие православные», «глубоко верующие» и проч.), а 90% — номинальные

христиане далекие от Церкви, которых не стоит считать православными. Поскольку это коварное утверждение может влиять на принятие политических и административных решений (например, по строительству храмов), то на него тоже необходимо ответить.

Степень религиозной погруженности человека не статична, она может меняться в течение жизни, в течение года, даже в течение дня. Приведу простое сравнение. У каждого из нас меняется настроение. Мы можем смеяться, быть серьезными, потом опять смеяться. Иногда, увы, не смеемся годами. А иногда веселимся как дети. Людей, которые постоянно смеются, заметно меньше, чем находящихся в спокойном серьезном состоянии. Но каждый из последних на какое-то время переходит в «категорию смеющихся».

Когда у кого-то из числа 90% (редко заходящих в храм) случается несчастье, он либо идет в церковь, либо начинает стихийно молиться и просить помощи. Сильное горе или большая радость вызывают на поверхность нечто глубинное. В этот момент погруженность в веру чрезвычайно высока, степень религиозности возрастает и человек неожиданно, пусть на короткое время, попадает в число 10% «активных» верующих. Могут быть и иные побудители, не эмоциональные, а например, интеллектуальные, не менее сильные. В повседневной жизни человек постоянно «путешествует» по шкале от 10% до

90% туда и обратно. Его вера то пламенеет, то остывает. Собственно, так и происходит с каждым из нас — в разные периоды жизни мы находимся в разной степени религиозности. Идет постоянное перетекание, своего рода ротация. И в результате каждый из числа 90% одновременно входит в число 10%. Вера — явление парадоксальное, измерить ее логическими исследованиями невозможно. Просто мы должны знать, что нас православных в России намного больше, чем нам пытаются внушить.

Из советской эпохи русский человек вышел с раненым религиозным сознанием. Ни в коем случае нельзя ни смеяться над его суеверием с элементами язычества, ни высокомерно осуждать его за это. Этих людей не надо приводить к вере, они уже верующие, уже православные. Им нужно только помогать: просвещать, объяснять особенности православного учения и любить их. Для этого, собственно, нам и нужны новые и новые храмы. Я являюсь горячим сторонником храмостроительства. Противники спрашивают: где для них верующие? Я отвечаю: в соседних домах. Вера качественно меняется на глазах, становится осмысленнее, тверже, и людям нужны храмы в шаговой доступности. Именно по этой причине мы сталкиваемся с таким мощным противодействием храмовому строительству.

Главное достижение Церкви — отсутствие страха. Ведь все годы советской власти наша вера

была придавлена им. За нее надо было платить, и платить были готовы, в принципе, все, но разную цену. Один был готов заплатить жизнью, приняв мучения за Христа, другой — сесть в лагерь, став исповедником, третий — потерять работу, четвертый — пойти на конфликт с близкими. Самый робкий тайно крестил своего ребенка. Но это тоже было рискованно и опасно, можно было получить «выговор по партийной линии» или лишиться очереди на квартиру. Кто помнит, сколько все это стоило, понимает, что отсутствие страха — колоссальное достижение.

Конечно, если за религию снова начнут сажать и расстреливать, то пойдет волна отречений от веры. Человек — слабое существо. Но все же выросло целое поколение, для которого открытая вера — неотъемлемая часть жизни. Это поколение готово отстаивать право верить и право передавать веру своим детям. И это качественное изменение уже никуда не денется.

Я глубоко убежден в том, что многие действия Патриарха Кирилла объясняются его долгом успеть сделать как можно больше за то время, которое Господь отвел нашей Церкви на свободу. Ведь политические изменения могут произойти с такой же катастрофической быстротой, как и в 1917 году.

Атаку на Русскую Православную Церковь объясняют либо испугом антиклерикалов после миллионного поклонения Поясу Пресвятой Богородицы

(осень 2011), либо попытками иностранного вмешательства во внутреннюю политику России — думские и президентские выборы (декабрь 2011 и март 2012 года соответственно).

На самом деле системная антицерковная кампания началась раньше, в январе 2011 года. К этому времени Патриарх Кирилл добился:

- введения Основ православной культуры в школе;
- введения института капелланов в армии;
- утверждения программы строительства 200 храмов в Москве;
- принятия Закона о возвращении имущества религиозного назначения.

Кроме того, Церковь призвала к консолидации православных на постсоветском пространстве и приступила к административной реформе, главным пунктом которой стало увеличение епископата. А чем больше епископов, тем быстрее вспоминается поговорка «всех не перестреляешь».

Можно предположить, что именно перечисленное выше и стало основной причиной той информационной антиправославной кампании, подробности которой мы описываем в этой книге.

А. Ш.

Беспредельный антиклерикализм

В последние годы в нашем общественном пространстве время от времени слышны голоса, протестующие против «клерикализации». Достаточно вспомнить нашумевшее в 2007 году письмо академиков президенту, начинающееся словами: «С нарастающим беспокойством мы наблюдаем за все возрастающей клерикализацией российского общества, за активным проникновением Церкви во все сферы общественной жизни». Подобный алармизм сегодня публично выражают некоторые правозащитники, светские гуманисты, публицисты и даже религиоведы.

Вот характерная цитата: «О клерикализации общества свидетельствует и тот факт, что чиновники вместо того, чтобы строить школы, больницы, театры и стадионы, строят за счет государственного бюджета православные храмы и восстанавливают монастыри... Появились православные больницы, детские дома и дома престарелых. Расширяется присутствие Церкви в армии и местах заключения. Церковное книгоиздательство практически

уже достигло дореволюционного уровня» (*Богословский М., Шевелев Г. Насильственная клерикализация России // Проза.ру*). Это голос светских гуманистов.

А вот недавний голос религиоведа: «...Русская православная церковь Московского патриархата в последние годы неуклонно проводит политику клерикализации различных общественных сфер, являющихся секулярными и не имеющих к религии никакого отношения — ни юридически, ни фактически. Это происходит и в сфере экономики, и в сфере науки, и в сфере образования, и в сфере культуры, и в сфере искусства, и, наконец, в сфере политики» (*Элбакян Е. Клерикализация: между интеграцией и дезинтеграцией социума // www.religiopolis.org*).

Как видно из приведенных высказываний, их авторы понимают клерикализм в очень широком смысле. Возникает вопрос: насколько правомерно такое понимание — и в смысле истолкования термина, и по существу?

В строгом смысле термин «клерикализм» указывает на определенное политическое устройство, в котором клирики (профессиональные служители Церкви, священнослужители) выполняют государственные функции или являются членами политических организаций, которые участвуют в борьбе за государственную власть, а получив такую власть, определяют политику государства. Поэтому говорить о клерикализме или клерикализации

в ситуации, когда государство является светским, а Церковь от него юридически отделена, представляется невозможным.

Другое дело, когда понятие светского государства смешивается с понятием светского общества (или им дополняется). Именно в этом случае и возникает столь широкое толкование клерикализма и соответственно клерикализации — как процесса, ведущего к клерикализму.

Но правомерна ли такая подмена и что за ней стоит?

Думаю, что неправомерна, потому что за нею кроется не правосознание и не научный подход, а идеологическая ангажированность. Именно она питает соответствующие «протестные настроения» и полемический задор, и тезис о «клерикализации» выполняет здесь роль слогана. Если же подойти к обсуждаемому вопросу спокойно, то его формулировка будет совсем иной, а именно: каким может быть присутствие религии вообще и Церкви в частности в жизни общества, в различных его сферах?

Разве приведенное высказывание одного из «антиклерикалов» об «общественных сферах, являющихся секулярными и не имеющих к религии никакого отношения», не выдает с головой предвзятость, если не предрассудок автора? Ведь он считает аксиомой, что Церкви нет места нигде (даже в культуре!), кроме того жестко ограниченного пространства, которое кто-то ей отвел. Но кто имеет право

«отводить» такое пространство, то есть давать однозначный ответ на поставленный выше вопрос?

Мне представляется, что «антиклерикалы» — последние, кто может претендовать на такое право. По очень простой причине: этим правом обладает прежде всего само общество, состоящее из граждан, которые законом наделены свободами и правами.

Согласно современным представлениям мы различаем общество и государство, которое является инструментом общества. Мы различаем Церковь и государство, которые юридически разделены. Кроме того, мы различаем Церковь как организацию и Церковь как религиозное сообщество.

У Церкви есть свои властные функции, которые относятся к ее специфической жизни и деятельности. Но Церковь не сводится к «корпорации клириков», она состоит из всех своих членов, включает в себя и клириков, и мирян «самых разных состояний» (на церковном языке — это весь «народ Божий»).

Нельзя говорить об отношениях Церкви и государства, Церкви и общества, игнорируя собственно общество, то есть самих людей, граждан и группы граждан. Общество составляют конкретные люди, которые одновременно являются и гражданами государства, и членами Церкви (или других религиозных объединений) либо приверженцами безрелигиозных взглядов. Обсуждаемый вопрос по существу сводится к проблеме формирования

и усиления гражданского общества, о значимости которого не раз говорил Патриарх Кирилл.

Современное общество, как показывают многочисленные социологические данные, не является светским (в отличие от государства). В обществе есть разные по своему отношению к Церкви люди и группы — как в так называемых элитах, так и в так называемых широких массах. И «пределы светскости» должны определяться не какими-то абстрактными принципами, а реальной общественной ситуацией, с учетом традиций, культурных особенностей, а также конфессиональной структуры конкретного общества.

Конечно, проблема «пределов светскости» является общей для всех государств европейского типа. Но в современной России эта проблема усугублена историческими обстоятельствами: с одной стороны, наследием эпохи государственного атеизма, а с другой — предшествующей ей эпохи государственной религии, то есть целыми столетиями, когда имело место государственное регулирование религиозной жизни и деятельности.

Как решать все вопросы, касающиеся присутствия религии в школе, армии, тюрьме, социальной сфере? Как поддерживать конфессиональный баланс? Как интерпретировать религиозные символы в государственной символической системе? Для нашего общества это сравнительно новые проблемы, у нас нет традиции их решения. Но сегодня мы вместе

с государством и религиозными объединениями пытаемся находить ответы на эти вопросы — в ходе общественной дискуссии, иногда полемики, через эксперименты (например, преподавание основ православной культуры), в диалоге различных общественных сил. Это нормальный процесс.

Какова же мотивация радикальных секуляристов, протестующих против «клерикализации» в том ее понимании, о котором говорилось выше? Чего они хотят? Это прежде всего голоса тех, кто вообще против всякого более активного и явного присутствия религии в обществе. Это голоса тех, кто хочет, чтобы религии в открытом общественном пространстве не было вообще, чтобы она не возвращалась после советского госатеизма и продолжала ютиться в социальных щелях. И здесь нельзя забывать о том, что радикальные секуляристы являются идеологической (и потому квазирелигиозной) группой. Они представляют не общество в целом, но определенное меньшинство граждан — меньшинство, которое стремится задавать тон в обществе, опираясь на свои частные убеждения.

А что же Церковь и государство?

Церковь выполняет миссионерскую задачу и совершенно естественно стремится к активному участию в жизни общества в соответствии со своими нравственными и религиозными ценностями, сохраняя при этом принципиальную автономию.

Государство же, как инструмент всего общества,

призвано учитывать убеждения, интересы и права всех граждан и групп граждан: и большинства, и меньшинств. Поэтому государство не может принципиально консолидироваться ни с Церковью большинства (то есть с ее конкретными религиозными интересами и целями), ни с активными идеологическими меньшинствами (вроде воинствующих секуляристов). Государство должно заботиться об общем благе, то есть об обществе в целом, и не только в экономической, культурной и прочих сферах, но и в сфере религиозной.

Должное соотношение светского и религиозного в общественной жизни нельзя определить просто исходя из абстрактных принципов (и чисто правовой подход здесь не срабатывает). Это не удавалось нигде и никому. Потому что это проблема реальной жизни.

В конечном счете вопрос о присутствии, о роли и влиянии религии в современном российском обществе — это вопрос разумной, взвешенной оценки позитивных эффектов и рисков, учета традиций и инноваций, перспектив поступательного развития и связанных с ними задач по солидаризации общества. Это вопрос политического и культурно-исторического реализма, то есть вопрос прагматический, а никак не идеологический.

И когда до нас доносятся громогласные протесты борцов с «клерикализацией», за ними видится прежде всего очень нехитрая вещь: вражда к рели-

Территория Церкви

гии вообще или к одной из религиозных конфессий в частности. А за этой враждой — совершенно религиозный пафос радикальной гуманистической идеологии прошлого века, которая ждала окончательной смерти религии, потому что сама стремилась занять ее место в мире.

Вряд ли сегодня возрождение этого пафоса будет служить благу всего российского общества — общества реальных людей.

Храмы нужны для консолидации христиан

Представьте себе, что вы — москвич, живущий в одном из спальных районов столицы, в котором не хватает поликлиник. Вы обращаетесь к местным властям с просьбой построить лечебное учреждение недалеко от вашего дома. В ответ некие граждане говорят вам, что поликлиника есть еще одна точка по зарабатыванию денег, а все врачи — мошенники и шарлатаны. Абсурдность этой ситуации очевидна, поскольку человек имеет право на лечение, право это записано в Конституции, и никому не придет в голову его оспаривать.

Но ситуация резко меняется, если мы, православные, начинаем публично говорить о праве молиться в храмах, воспитывать детей, знать основы своей религии, не ехать полтора часа на транспорте до ближайшей церкви, чтобы помолиться или принять участие в Таинствах. Для верующего человека забота о душе, право на свободу совести, гарантированное Конституцией, не менее важно, чем забота о теле.

На заседании Высшего Церковного Совета Патриарх Кирилл отметил, что часть общества неверно воспринимает Церковь как «некую коммерческую корпорацию, которая создает просто еще большее количество точек, где зарабатываются деньги».

Такой вульгарный подход к религии был характерен для 20–30-х годов прошлого столетия, когда большевицкий вождь Троцкий приравнивал Церковь по своему опасному воздействию к водке и считал, что веру можно победить с помощью кинематографа.

Атеистическое кино мы наблюдали больше 70 лет, за это время были разрушены сотни храмов в одной лишь Москве, и сейчас в столице на один храм приходится 40 тысяч человек. Это совершенно ненормальная ситуация, которая представляет собой фактически дискриминацию православных. Конечно, и 200 храмов на огромный мегаполис — это капля в море, но строительство даже этого малого числа церквей сталкивается с сопротивлением тех людей, которые боятся возрождения Православной Церкви и отказывают верующим в конституционном праве на свободу совести.

Мы охотно реабилитируем узников совести, восстанавливаем историческую символику, возвращаем городам и улицам их исконные имена. Но отчего восстановление храмов, отнятых у столицы тем же самым коммунистическим режимом, вызывает

такую ненависть у чиновничества и так называемой бизнес-элиты?

Очевидно, что стремление Церкви к храмовому строительству близко интересам широких общественных слоев. Именно этого консенсуса противники строительства и боятся. Они бы хотели отделить Церковь от общества, ввести жесткую идеологическую цензуру под видом «светских норм».

Господа храмоворы прекрасно понимают, что храмы — это не только культовые сооружения, и именно поэтому всеми способами пытаются мешать их строительству в России.

В приходах и общинах идет невидимая стороннему взгляду ежедневная социальная работа. Храмы сегодня — это центры социальной активности населения. Здесь бесплатно обучают детей в воскресных школах, помогают неимущим и попавшим в беду. На околотрамовых территориях работают правозащитные организации, центры бесплатной юридической помощи, подросткам преподают воинские навыки, чтобы вырвать их из орбиты влияния криминала и наркобаронов.

Препятствовать строительству храмов, препятствовать консолидации верующих, их взаимопомощи, пытаться отсечь православную часть населения от народного обсуждения внутренней политики государства — вот главная задача наших противников! Это ли не верх цинизма? Почерк узнаваем.

Крайняя беспринципность — альфа и омега политики антиклерикалов.

Сегодня либералы пытаются скрыть свое идейное банкротство под маской антиклерикализма. Поскольку в ином случае крайне затруднительно обосновать пользу от коммерциализации здравоохранения, разрушения науки и образования, повышения пенсионного возраста. Не остановить их — означает оказаться завтра под угрозой жесткого идеологического контроля. Еще не поздно сказать «нет» этим новым большевикам.

Территория Церкви

19 марта 1922 года В. И. Ленин написал известное письмо «членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви». Это событие, как известно, открыло новую волну гонений на Церковь под видом изъятия церковных ценностей. Прошло 90 лет. Пора поговорить о современной кампании по свертыванию программы строительства православных храмов в России.

1.

Время установочных статей никуда не делось, как бы нас не убеждали в обратном. На днях в «Известиях» вышел текст под невразумительным названием: «Модульные храмы могут лишиться прописки». Но с многозначительным подзаголовком: «Концепция строительства церквей в Москве может быть изменена». Напомним: речь идет о муниципальной программе по строительству 200 православных храмов, совместно принятой священноначалием РПЦ и столичной мэрией. Сделано это было для удовлетворения религиозных потребностей верующих в много-

людных окраинных районах и для того, чтобы восполнить потери Церкви в советский период, когда власть разрушила в Москве около 1000 храмовых зданий. Сегодня эти благие намерения хотят пустить под нож. Строительство «модульных храмов» планируют обставить большим количеством дополнительных условий (вроде допустимой плотности застройки, наличия/отсутствия деревьев вблизи и т. д.). При ближайшем рассмотрении выясняется, что дело на самом деле вовсе не в условиях, а в неких «общественных настроениях».

2.

Расправа готовилась давно. В 1922-м представился удобный момент: в стране царил голод, а слухи о «несметных сокровищах в лаврах» пропагандисты распускать не ленились. Ленин писал: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления».

Священноначалие знало о голоде и не оставалось безучастным к страданиям народа. Обращаясь к пастве в своем «Воззвании к духовенству и верующим Российской Православной Церкви по поводу изъятия церковных ценностей» (15/28 февраля 1922 г.) Патриарх Тихон объявил, что организо-

ванный им «Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим начал сборы денег, предназначенных для оказания помощи голодающим». Но Комитет и его благотворительность были признаны «излишними». Большевики не пожелали принять помощь из рук православного духовенства. ВЦИК постановил изъять из храмов драгоценные вещи, в том числе евхаристические чаши и другие богослужебные предметы. Это было необходимо большевикам в качестве повода для уничтожения предсказуемо протестующих священников и мирян, для разгрома Церкви, чтобы она не смогла оправиться от удара «десятки лет». В ленинском письме прямо сказано: чем больше священников мы расстреляем в ходе изъятия, тем лучше.

Большевицкая политика была хорошо продумана. Вожди революции стремились стереть православие из культурной памяти народа, а для этого Церковь надо было унижить, пригнуть к земле, сделать неприкасаемой...

Это удалось лишь частично. Загнав православие в подполье и чередуя «оттепели» с «заморозками», режим получил неожиданный всплеск религиозности в 70–80-е годы XX века. А затем тактику пришлось кардинально поменять. В 90-е либеральные преемники ВКП(б) стремились убедить народ и Церковь в том, что наступает эпоха неслыханной свободы. Масштабная экспроприация (под видом приватизации), либеральная цензура на ТВ,

очередная хорошо организованная разруха и танки в центре Москвы плохо вписывались в эти реляции. Но кое-кого убедили. В Церкви все-таки жила надежда на то, что настало новое время. Мимикрия на время удалась.

3.

Сегодня, через несколько месяцев после запуска «Программы-200», председатель комиссии по делам общественных объединений и религиозных организаций Мосгордумы Антон Палеев внезапно констатирует: «Программа в буквальном смысле свалилась на Москву. Город был не готов в авральном режиме разместить столько храмов. Если граждане будут выступать против, мы будем поддерживать их и отменять решения о строительстве. Это касается тех мест, где жителям мешает возведение храма или недобросовестно прошли общественные слушания».

Апеллируя к «простым российским труженикам», представители Мосгордумы отмечают, что среди них есть те, кому храмы не нравятся (вопрос «А как быть с торговыми центрами, автосервисами, ночными клубами, которые не нравятся верующим?», как всегда, остается без ответа). Объекты светского назначения строятся без учета мнения жителей, в том числе православных, тогда как проект любого храма изучается под лупой. Точнее, изучался. Сегодня «Программа-200», похоже, под угрозой. Тот факт, что православных прихожан

и лояльных неверующих намного больше, чем антиклерикалов, московские власти не останавливает. Что общественные слушания по храмам проходят с большим перевесом их сторонников — тоже. Тема скандальная, ее стремятся скорее закрыть. О том, что скандальность имеет явный привкус политической дискриминации, не вспоминают.

4.

В протоколе № 1 совещания в ГПУ о проведении кампании по изъятию церковных ценностей было сказано: «Считать необходимым, чтобы ЦК разработал в срочном порядке тезисы для агитаторов и инструкцию для организации общественного мнения (письма благодарности от голодных губерний, отчеты сопровождающих маршруты представителей верующих, постановления прихожан церквей и т. д.)». Вся эта пиар-кампания была нацелена на то, чтобы слепить из Церкви образ врага. Нынешние чиновники управ и префектур творчески развивают технологии Ленина и Троцкого.

5.

Реабилитация Церкви явно не задалась. «Программа-200» совпала по срокам с начавшейся в стране антицерковной кампанией. О том, что совершается резкий разворот в отношениях с Церковью и переход к борьбе с христианским мировоззрением, православные доверчиво не догадывались, несмо-

тря на явные и весьма зловещие признаки. Власть перед выборами зачищала и утрамбовывала политическую площадку. Церковь мешала — патриархальным отношением к проблемам семьи, образования, морали. Не поддавалась «оптимизации». Не верила в «креатив». И оказалась... непрофильным активом в государстве-корпорации.

Пробные шары в виде антирелигиозных выставок и публичного уничтожения икон (это делали художники-актуалисты под защитой истеблишмента) сменились уже категоричным по тону «письмом академиков», призвавших восстановить в стране «научное мировоззрение». Затем в СМИ была вброшена тема шельмования РПЦ МП и отказа ей в историческом праве на преемственность с дореволюционной Церковью. Общественность готовили к неприятию якобы происходящей «клерикализации страны». Наконец, дело дошло до антиклерикальных пунктов в предвыборной идеологии сторонников Михаила Прохорова — политической фигуры будущего, как его позиционируют на государственных телеканалах.

Все происходило в лучших традициях советской кампанейщины. Церковный нейтралитет был использован властью во время передела собственности и в период отстройки «вертикали». Но сегодня, в эпоху «модернизации», он не нужен. Проект оформился, и мы в нем лишние. Интересы православного населения несовместимы с ролью России

как сырьевого придатка и страны третьего мира с повальной наркоманией, ювеналкой, гендерной неразберихой и разрушением семьи. Наши интересы сброшены с повестки дня. Снова РПЦ превращается в классового врага, в «тормоз прогресса», в «реакционный элемент». Мы мешаем, потому что нас слишком много и у нас твердые социальные приоритеты (см. *Социальную концепцию РПЦ*). Отсюда оголтелая антицерковная политика последних полутора лет.

Примечательнее всего, что ленинские приемы антицерковной агитации вновь взяты на вооружение. Унизить, оболгать, придавить Церковь — важнейший пункт политической повестки. Большевики не захотели принять от Церкви помощи для народа и уничтожали духовенство от его имени. Что мы видим сегодня? На волне «декоммунизации» последних 20 лет Церкви пообещали частично восполнить то, что когда-то отобрали. Вернуть место в обществе и восстановить храмы, если уж нельзя воскресить расстрелянных пастырей. Но под напором либералов заявленная программа «600 храмов» втрое скукожилась, превратившись в «Программу-200». И даже это подвергается саботажу. В бой против православных брошены отборные специалисты по информационным войнам. Старые опытные архиереи говорили мне еще год назад: если дадут построить 50–60 храмов — то и это будет невероятно!

Мы видим, что и десоветизация 90-х, и отте-

пель 60-х предназначались не для всех. На некоторые категории населения они не распространялись, и православное большинство оказалось в собственной стране дискриминируемой группой населения. Во времена Хрущева «перемирие» с Церковью 1943–1948 годов было осуждено как явление периода культа личности, а антицерковная кампания подавалась под видом возвращения к «ленинским нормам». Нечто похожее мы наблюдаем и сегодня, только на месте «ленинских норм» — неолиберальная доктрина.

Материалы, подобные известинскому, не появляются сами собой — их размещают. И происходит это не когда попало. Именно сейчас момент благоприятен для окончательного решения «проблемы» с храмами, да и вообще «православного вопроса» в России. Либеральный тренд раскручен, почва в СМИ подготовлена, социологи подключили свой ресурс в виде статистических флуктуаций. Можно смело объявлять о наступлении новой эпохи госатеизма или ее современного синонима.

6.

Строительству храмов в Церкви всегда придавали особое значение. Самопожертвование епископов и священников в советское время нередко было связано с тайным восстановлением или строительством храмов. Так, епископ Гермоген (Голубев) сумел под видом реконструкции построить Успенский собор

в Ташкенте. Именно за строительство храма попал в заключение отец Павел Адельгейм. Митрополит Алексей (Ридигер) боролся за возвращение церквей в Санкт-Петербурге в советское время и сумел вернуть Никольский храм на кладбище Александро-Невской лавры. Есть и другие примеры. Претерпеть пришлось много унижений, но Церковь никогда не оставляла попыток восстановить свою поруганную территорию. Не оставит и сегодня.

7.

Мы понимаем, что на смену госатеизму в любой момент может прийти государственный антиклерикализм. Впереди нас ждут попытки фальсификации церковной истории, шельмование иерархов РПЦ, в первую очередь ключевой для новейшего времени фигуры Патриарха Сергия и его промыслительной миссии. В православных социальных сетях обсуждается раскольная концепция «двух церквей» у одной Чаши — опаснейшая ересь, выросшая в воспаленном политизированном сознании некоторых церковных публицистов и библеистов. Мы видим, как внутри самой Церкви появляются фигуры, подталкивающие мирян и священноначалие заключить контракт со светскими идеологами и сбросить РПЦ в бездну «модернизации».

Но главное сейчас — это защита нашей духовной крепости, православных храмов. Здесь нельзя останавливаться. Или мы строим и двигаемся вперед,

или не строим и скатываемся назад. Или победим, или нас ликвидируют. Это не аллегория и не красное словцо. Отметины ленинской тактики слишком заметны в действиях антиклерикалов.

Мне довелось работать в Верхней палате Федерального собрания. Через меня проходила вся почта, связанная с религиозной тематикой. Это были сотни и сотни писем с просьбой верующих о помощи. 80 процентов — жалобы на чиновников или бизнесменов, опирающихся на чиновников, которые препятствуют строительству церквей. Сергей Миронов, конечно, помогал многим приходам, но в итоге я понял, что мы имеем дело не с отдельными недостатками, а с жесткой системой неприятия православия горсткой коррумпированных антиклерикалов. В ужасе я обнаружил, что это системный антиправославный тренд.

8.

Прогнозируя ухудшение ситуации, весной 2011 года на базе портала «Религаре» мы создали Православный правозащитный центр «Территория Церкви» (www.religare.ru) и сосредоточились в первую очередь на защите храмов. Отсюда и наше название. Но понятие «территории Церкви», разумеется, шире, чем храмовая земля: это территория христианства.

Ближайшее будущее не будет легким. Об этом мы предупреждали восемь месяцев назад в своем

манифесте: «С 1991-го года борьба с православием ни разу не ставилась на политическую повестку дня. Сегодня это, к сожалению, произошло. Молчание власти — верный показатель потери ею иммунитета к антихристианской идеологии. Христианство — единственная религия, Бог которой умер за человека, не вписывается в стандарты безликого глобального “человеяника”, каким хотелось бы видеть нашу страну новейшим инженерам человеческих душ. Нас беспокоит бесправное положение приходов и общин перед лицом произвола чиновников. Нас беспокоят препятствия, чинимые строительству православных храмов. Нас беспокоит непримиримая ненависть некоторых политических сил к православной вере и нашей Церкви».

Нас услышали не все, а некоторые в православной среде даже посмеивались, полагая, что мы впадаем в алармизм. Теперь наши единоверцы убедились в нашей правоте. Уж лучше бы нам было ошибиться. Но от реальности не уйти. Придется ломать стереотипы спокойного существования и культурно-центристской обмирщенной религиозности.

Недоброежелатели православия хорошо понимают, что для нас главное. Храмы — это наше сердце. Отголосок рая, мостик к жизни вечной, территория детей Божьих и их пастырей. Сюда они решили нанести главный удар. Вот почему «Программу-200» стремятся заморозить. Что делал Ленин в первую очередь? Разрушал храмы и уничтожал тех, кто

этому воспротивился. Именно об этом — его письмо, о котором мы напомнили в начале этой статьи. Хрущев, связанный по рукам и ногам десталинизацией, уже не мог позволить себе прямой террор. Но и он массово взрывал храмы в 60-х, обосновывая это то насущными задачами метростроя, то необходимостью строительства дорог.

Как вы думаете, какая главная идеологема была брошена через СМИ в связи со скандальной историей с *Russi Riote*? Следите внимательно: ХХС находится на балансе Москвы, а не РПЦ МП — ХХС является концертной площадкой — в ХХС действуют общие правила для публичных мест — Храм Христа Спасителя не является сакральным местом. Символ русского православия не является Храмом! Первый раз его разрушили физически. Сегодня, в век «политтехнологий», в этом нет необходимости, его разрушат через СМИ. Если мы не будем сопротивляться.

Но мы будем сопротивляться.

Мы вели борьбу за спасение Новоспасского монастыря и поддерживали петербургских коллег в борьбе за закрытие абортария в здании Крестовоздвиженского храма на Фонтанке. Мы стараемся противостоять антиправославной истерии в СМИ и ведем мониторинг информационного поля, выявляя политических заказчиков, исполнителей и тактические приемы антиклерикальных организаций. Информлируем общественность

об антиправославной ксенофобии и нарушении гражданских прав наших единоверцев.

Нам нужны сторонники и помощники. Мы не просим денег. Мы просим помочь фактами и примерами, свидетельствующими о том, что происходит с нашими единоверцами в разных уголках страны. Пусть нам напишут те, кому есть о чем рассказать, кто пострадал от произвола чиновников, кому мешают строить храмы. Наш адрес *info@religare.ru*. Мы с благодарностью примем и советы, и рекомендации. Мы рады познакомить вас друг с другом и укрепить наше братство. Создавайте в своих городах собственные центры «Территория Церкви». Для этого не нужно ни денег, ни офисов, ни регистраций. Это может делать один христианин. Или два. Или семья. Или три семьи, как это сложилось у нас, в нашей «Территории Церкви». Нужно лишь понимание, что Церковь нуждается в нашей помощи, и уверенность в том, что защита Территории Церкви — это общее дело.

Помогайте друг другу. Не бойтесь защищать друг друга. Не бойтесь строить и украшать храмы даже там, где мало людей и где, казалось бы, для православия нет будущего. Будет храм — будет жизнь. Они предрекают смерть Храму. В ответ мы спросим: «Где твое жало?»

О Поясе Богородицы и «офонаревших» паломниках

Как только речь заходит о церковных вопросах, касающихся православной ойкумены России, экспертное сообщество охватывает специфическое возбуждение, которое иначе чем страхом перед возвращением общества к своему христианскому фундаменту я объяснить не могу.

В ноябре 2011 года в столицу привозили святыню — Пояс Богородицы. Событие для многих верующих долгожданное. Верующие шли поклониться святыне, излить свою любовь, укрепиться в вере, попросить о сокровенном. В общем, знали, куда шли. Поэтому были спокойны.

Журналисты, экспертная тусовка и просто те, кто не дурак побазлать о «сакральном», напротив, в большой ажитации. Дискуссий было много. И весьма симптоматичных. Выяснилось следующее. У социологов, психологов, работников пера и ноутбука, оказывается, не много, а очень много вопросов к тем, кто стоял на ветру Фрунзенской набережной. Например: «В России такое еще возможно?»

«Да знают ли они, куда пришли, зачем пришли?»
«А если заменить этот их пояс на молчание Чумака — почувствуют разницу?»

Постепенно вопросы превратились в обличения, и стоявшие в очереди оказались ответчиками за все: за плохую организацию, спекуляцию пропусками для vip-персон, за то, что греки не продлили пребывания Пояса. И просто за то, что пришли.

ЭКСПЕРТЫ СЧИТАЮТ, ЧТО НАРОД «НЕ ТОТ»

Интеллектуалы разного достоинства, калибра и идейной ориентации серьезно, не по-детски удивлены. В самом деле: какие-то незнакомые, пришедшие вдруг собрались, рискуя здоровьем. К «честнейшей Херувим и славнейшей без сравнения Серафим». Вроде русские. Но какие-то другие, не такие, как мы...

Передо мной интервью Татьяны Малкиной из «Московских новостей» («Для толпы, которая стоит в очереди за чудом, религия неотличима от колдовства»). Персонажей здесь двое: журналистка с антиклерикальными взглядами, хотя и не очень четко формализованными, и Николай Шабуров, профессор, культуролог, директор Центра изучения религий РГГУ. Следить за их беседой одно удовольствие. Сперва профессор как будто осторожничают: ноблесс, что называется, облич, научная этика — это вам не комар чихнул. Как может, оговаривается:

«Видите ли, паломничество — это нормальная форма религиозной практики». Или: «Происходящее сейчас в Храме Христа Спасителя говорит о глубинном процессе, который лучше анализировать, а не оценивать». Но бойкая умом госпожа Малкина уверенно возвращает господина профессора из научных сфер к прозе жизни. Оказывается, «те, кто смотрел Кашпировского по телевизору, кто заряжал воду под взглядом Чумака и кто сейчас стоит в этих страшных очередях, — одни и те же люди».

Позвольте. За все время стояния был ли проведен хоть один опрос, хоть одно социологическое исследование? Спросили ли хоть одного паломника, зачем он здесь? Нет, нет и нет. Ничего подобного не было опубликовано в СМИ. Но кого это смущает? «Меня пугает, — продолжает Малкина — ...большая группа офонаревших людей. Пугает то, что это государственная акция. Это как если бы взяли на госфинансирование, например, самых оголтелых футбольных болельщиков». И вот уже профессор стремится попасть в тон своему Вергилию. «Многие перешли от увлечения Рерихом и new age к православию. Есть и обратный путь — из православия к кришнаитам, например».

Так вот куда направлялась очередь на набережной! А мы и не знали. «Для этих людей религия неотличима от колдовства. Священнослужитель — маг-чудотворец, не более того».

Но мало соглашаться. Надо научно фундиро-

вать. Ведь для этого профессора и позвали. И концепт готов: причина духовных катаклизмов на Фрунзенской набережной — «закат рационализма». И далее: «Об усилении религиозного чувства речь не идет. Мотивация у людей разная, но для значительной части этот феномен можно определить словом “магизм”».

Слово найдено! А главное, мысль новая и необычайно свежая. Привет Клоду Леви-Строссу, Николаю Бердяеву с его новым Средневековьем и Маршаллу Маклюэну с электронным неоязычеством. Профессиональная продажа неофитам интеллектуального секонд-хенда! Хотя, заметим попутно, нынешние информационные технологии, которыми отдельные религиоведы занимаются под чутким журналистским руководством, и есть не что иное, как новейший и продвинутый аналог аутентичной магии. Это так, к слову.

Нет, их можно понять. Что делать антиклерикальным идеологам при наличии соответствующего политического заказа? Замолчать факты, приуменьшить количество паломников — нет, не настолько наши оппоненты циничные люди. Заниматься поруганием святынь — моветон, но развести в сознании обывателя святыню и очередь к ней очень даже можно. Пояс — он, конечно, реликвия, кто бы спорил. Да только не про вашу честь. Вы же сами не знаете, зачем стоите. Богородица настоящая, вы — нет. Вы пришли не туда. Преобладающий упрек

со стороны светских СМИ — «бессмысленность» стояния к святыне. То есть люди понимают, что есть такая традиция и готовы уважить эти мотивы у кого-нибудь другого. Но не у тех, кто идет по набережной со скоростью микрон в минуту. Их слишком много. Пугающе много. Они слишком целеустремленны. Пугающе целеустремленны. И поэтому не должны, не имеют права верить по-настоящему. Остается объявить, что перед нами смесь обрядоведения и язычества, и после этого успокоиться. «Если факты не укладываются в теорию, тем хуже для фактов». Политический заказ на антицерковность появился не вчера и выполняется аккуратно. И советскими академиками, пугавшими народ «клерикализацией», и правыми политиками из окружения куршавельского забавника, и политическим клоуном Охлобыстиным, и переменчивым Невзоровым. Конечно, в условиях судебного паралича в стране этот вид ксенофобии, как, впрочем, и другие, неизживаем.

А ЧТО В ЦЕРКОВНЫХ КРУГАХ?

Но куда интереснее, что и внутри самой Церкви не все спокойно отнеслись к происходящему. Некоторые поспешили сделать непонимающее лицо и высказаться «о двух разных Россиях», одна из которых «стоит», а другая — «наблюдает». Они говорят более осмотрительно и осторожно.

Например, так: «Кто все эти люди, которые пришли поклониться святыне и готовы стоять по 10, 20 и даже 26 часов? Они действительно христиане? Других вопросов я не задаю».

Но при всем при том господа непонимающие из церковных кругов склонны обильно цитировать как раз светскую аргументацию, сколь бы безграмотной и беспомощной та не выглядела. И вот эта когорта авторов, ставящих себя в ситуацию добровольного двоемыслия — мы в Церкви, но не с Церковью — пожалуй, самое любопытное во всей истории с Поясом. Очевидно, что откровенно идти за антиклерикалами они не могут, иначе их пребывание в Церкви стало бы чисто номинальным актом. Но и признавать тех, стоящих на ветру, единоверцами, членами своей общины, они тоже не хотят и не будут. Им это неприятно. Остается отгородить партийный угол внутри церковной ойкумены. С неизбежным самоощущением — «Церковь — это мы. Мы — не они». И далее путем строгого логического следования: «Они — не Церковь». Аристотель, закон исключенного третьего. Господа рационалисты должны быть удовлетворены.

Вероятно, их устроила бы Церковь, отвечающая каким-то совсем другим критериям. Тем, которых нет ни в Нагорной проповеди, ни в Деяниях, ни в святоотеческом наследии. Которая учитывала бы светский политес людей из приличного круга

и чуралась общинности. Зачем? Наверное, потому, что таковы отличительные признаки «современных» образованных людей. Возможно, да и скорее всего, за этим кроется нутряная тяга к секуляризации Церкви. Все вроде правильно, нужные слова произнесены, а внутри — пустота, симулякр. Уступив этому соблазну и разбившись на «партийные ячейки», Церковь и впрямь перестанет быть в полном смысле Церковью — зато приобретет статус «социального» института.

Надо ли нам, чтобы соль потеряла крепость?

Вы спросите, ходил ли я сам к Поясу и зачем. Да, ходил. Чтобы поклониться Матери Света вместе со всей Церковью, которой я — часть. А Церковь в те дни находилась именно в той самой очереди, которую хулили вышеупомянутые лица.

Парламентские партии и Церковь

В 2009 году Русская Православная Церковь вступила в новый период своей современной истории: во главе ее встал иерарх, известный своей активной общественной позицией, открытый к диалогу с самыми разными социальными слоями и при этом бескомпромиссно отстаивающий христианские духовно-нравственные ценности.

Церковь укоренена в долгой традиции и руководствуется вечными духовными нормами. Именно в этом ее потенциальная и актуальная сила, ее значимость для современного человека, который живет в постоянно меняющемся обществе и порой переживает не просто кризис, но и утрату жизненных ориентиров.

Вопросы, которые волнуют многих: может ли Церковь участвовать в жизни общества, оказывая на него благотворное воздействие, а если может, то каким образом? каковы возможные пути церковно-общественного взаимодействия?

Здесь надо оговориться. Речь в данном случае не идет о богослужбной и иной, сугубо религиозной

жизни Церкви. Все, кто участвует в этой жизни, знают, какое воздействие она оказывает на человека, а через него — и на окружающих. Речь идет о Церкви как большой духовной традиции, с одной стороны, а с другой — о «большом обществе» граждан России, призванных сообща строить свою жизнь и преодолевать трудности на пути к здоровому и стабильному будущему.

ЦЕРКОВЬ И ПОЛИТИКА

Церковь в целом как религиозная организация не занимается политикой. А основные проблемы, которые стоят перед нашим обществом и государством, относятся по преимуществу к области политики. Как же можно организовать этот диалог между Церковью и политической нацией? И на каком языке его вести — на церковнославянском или на профессиональном жаргоне политологов и социальных ученых?

Думаю, на эти вопросы есть вполне ясные ответы. И в том, что такие ответы сегодня есть, немалая заслуга Патриарха Кирилла. Это он инициировал более десяти лет назад процесс формулирования церковной социальной доктрины, став в православном мире в этом отношении первопроходцем. Пространственный документ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» был принят Архиерейским собором в 2000 году.

В результате Церковь, во-первых, обрела опыт создания такого языка, на котором она может говорить о значимых современных вопросах общественной жизни, а во-вторых, изложила свое видение этих вопросов, опирающееся на православное богословское и духовное предание.

К сожалению, в ходе общественно-политических дискуссий, в частности и о роли Церкви в обществе, довольно редко обращаются к этому официальному церковному документу. Чаще дискутирующие опираются на свои собственные, фрагментарные и произвольные, а порой и совершенно неверные представления о церковной позиции по тому или иному общественному вопросу.

Но если со всей серьезностью отнестись к этому развернутому изложению общественной позиции Церкви, то нетрудно увидеть, что оно может стать хорошей основой для диалога Церкви и общества.

Есть еще один церковный документ «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», соборно принятый в 2008 году в развитие социальной концепции, который также требует более внимательного отношения со стороны общества.

Возникает следующий вопрос: кто в таком диалоге может быть партнером Церкви со стороны общества?

Разумеется, здесь может быть и, наверное, должен быть не один партнер, ибо наше общество явля-

ется сложным, в разных отношениях неоднородным. Но один такой партнер очевиден. Вернее, партнеры. Это политические партии, прежде всего парламентские. Иначе говоря, политические организации, опирающиеся на поддержку избирателей, то есть на какие-то сектора самого общества, и по их воле принимающие непосредственное участие в общегосударственной работе, законодательной и иной, входящей в компетенцию органов представительной власти.

Оготовности к такому диалогу со стороны Русской Православной Церкви прямо говорится в Основах социальной концепции: «Взаимоотношения с законодательной властью представляют собой диалог Церкви и законодателей по вопросам совершенствования общегосударственного и местного права, имеющего отношение к жизни Церкви, церковногосударственному соработничеству и сферам общественной безопасности Церкви. Этот диалог касается также постановлений и решений законодательной власти, не имеющих прямого отношения к законотворчеству» (III, 9).

Значит, дело за партиями.

ГОТОВЫ ЛИ ПАРТИИ?

Не будем сейчас касаться вопроса о реальных контактах между представителями Церкви и политических партий. Но если оставаться, так сказать,

в теоретическом пространстве, важно и интересно обратить внимание на другое: какие параллели и пересечения можно обнаружить, если сопоставить текст социальной доктрины Церкви и программные документы политических партий? Прежде всего именно официальные программы, которые, при всей разнице жанров церковных и политических документов, вполне поддаются такому сравнению.

Несмотря на различия программных документов парламентских партий, в них всех отражены как позиции, так и приоритеты, акценты, да и обращены они в первую очередь к избирателю, то есть именно к обществу. Так же, как и социальная доктрина церкви, которая обращена не только к церковному, но и к светскому обществу. Это и позволяет выявить в программах такие темы, которые могли бы стать пунктами пересечения с Основами социальной концепции Церкви.

Сначала об общем, объединяющем. Вполне естественно, что во всех программах обозначен ряд направлений, которые, несомненно, являются темами возможного диалога партий с Церковью. Это такие острые социальные темы, как социальная значимость материнства и отцовства и поддержка семьи; морально-этические аспекты работы СМИ в условиях рынка; коммерциализация культуры; проблема здоровья личности и народа и демографический кризис.

Кроме того, во всех партийных программах выражена озабоченность резким имущественным расслоением в обществе и все партии выступают за то, чтобы уделять самое пристальное внимание патриотическому воспитанию.

Если обратиться к тексту Основ социальной концепции РПЦ, то в разных его разделах можно обнаружить если не буквальные, то очень близкие к тексту партийных программ формулировки этих проблем, которые предстоит решать нашему обществу. Здесь параллелизм налицо, и все парламентские партии могли бы выступать в диалоге с Русской Православной Церковью почти единым фронтом.

ПРОГРАММНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ

Другое дело, если посмотреть на перспективы диалога партий и Церкви в другом ракурсе — с точки зрения общего подхода к стратегии развития российского общества. В данном случае существуют серьезные различия.

Возьмем программу КПРФ. Например, коммунисты выступают за «русскую культуру как основу духовного единства многонациональной России», и здесь, возможно, есть о чем вести разговор с Церковью. Но в то же время они «против капитализма и за коммунизм как историческое будущее человечества». Этому посвящен довольно большой раздел программы «Уроки истории и пути спасения

Отечества», который напоминает, скорее, советский учебник, чем программу действий в реальных условиях исторического настоящего (это проявляется даже стилистически — в избытке, кажется, уже хорошо забытых выражений: «чуждые элементы», «отрыв руководителей», «обманный путь», «предатели социализма», «очернительство», «пятая колонна», «буржуазные взгляды» и т. д.).

КПРФ в своей программе декларирует, что рассматривает среди реальных и потенциальных политических союзников, наряду с другими общественными объединениями, религиозные организации. И в программе есть одно место (хотя и очень общего характера), которое можно было бы понять как основу для диалога с русским православием, поскольку там говорится о «самобытной культурной и нравственной традиции» российского общества, о «стремлении народа к воплощению высших идеалов правды, добра и справедливости».

Однако непосредственно за этими словами следует суждение: «Эти качества явились важной предпосылкой восприятия массами освободительных и революционных идей». Вряд ли такая интерпретация является хорошей основой для диалога с православными христианами как духовными наследниками новомучеников и исповедников российских XX века.

Как будто бы противоположную картину дает программа ЛДПР. Это единственная парламентская

партия, которая прямо декларировала в программе свою «православность», так что если вырвать соответствующие слова из контекста, то можно даже задаться вопросом: не является ли она партией, созданной по религиозному признаку? Звучит это так: «ЛДПР всегда выступала за великий русский народ, за православную веру...»

Это, однако, обманчивое впечатление, потому что, выступая за православную веру, ЛДПР выступает в поддержку и других вер (хотя одновременно и «против того, чтобы зарубежные миссионеры приезжали к нам и навязывали чуждые идеи и догмы»).

Иначе говоря, в программе этой партии можно обнаружить самые разные позиции, так что читатель невольно задается и другим вопросом: как все это согласовать? Даже в пространстве одного предложения встречаются противоречия, например: «ЛДПР считает, что органы государственной власти в своей деятельности должны опираться на исторический опыт имперской, советской и демократической России...»

Из текста программы вряд ли можно сделать вывод, что слова о «России как ядре самобытной Восточно-христианской цивилизации» и о том, что «национальная культура России должна развиваться на основе многовековых духовных традиций нашего народа», являются возможной основой диалога с Православной Церковью. А периодически звучащие призывы лидера этой партии, скажем,

к введению в России многоженства или к тому, чтобы мужчина мог регистрировать новый брак, не расторгнув старого, входят в явное противоречие с программными заявлениями о верности православной вере и восточно-христианской цивилизации.

Что касается программных документов ЕР, то из них вообще трудно извлечь темы возможного партийно-церковного диалога — помимо тех общих для всех партий тем, о которых была речь выше. Конечно, в Программном заявлении 2008 года говорится, что эта партия видит Россию как страну, «в которой духовные и моральные ценности, взаимопочтение и взаимопонимание между людьми, взаимоподдержка и взаимовыручка, сострадание и сочувствие к тем, кто в нем нуждается, являются духовным стержнем общества, его нравственной основой, отличающей Россию во все времена». Здесь явно звучит тема, объективно близкая церковной позиции, выраженной в Основах социальной концепции. Однако кроме общих слов о духовно-нравственных аспектах жизни общества в программе ничего нет.

НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Обратимся теперь к программе партии «Справедливая Россия» и посмотрим, есть ли в ней какие-то положения, близкие социальному учению нашей Церкви, которые могли бы стать конкретными

направлениями возможного диалога.

Думаю, можно выделить три таких направления (опять же помимо тех, которые являются общими для всех парламентских партий).

Первое — о призвании современного государства. На этот счет существуют разные точки зрения: от идеи минимального государства, как «ночного сторожа», до идеократических и даже теократических моделей. Правда, наверное, как всегда, посередине. И эта середина, скорее всего, связана не с технократическим и не с тоталитарно-идеологическим, но с нравственным измерением.

И здесь позиции РПЦ и СР, судя по всему, близки. Так в Основах соцконцепции читаем: «Священное Писание призывает власть имущих использовать силу государства для ограничения зла и поддержки добра, в чем и видится нравственный смысл существования государства» (III.2). Соответственно в разделе «Государство» программы СР: «Власть — это служение государства народу, опирающееся на духовные и нравственные устои общества».

Кому-то такой подход может показаться странным, несовременным. Ясно, что утверждение о важности нравственного измерения государства придется подтверждать аргументами. Кроме того, необходимо выяснять содержательное наполнение этого суждения о нравственном. Но значимость самой этой темы в условиях нынешней нравственной дезориентации в обществе очевидна. И здесь диалог

Церкви и политической партии может быть очень продуктивным.

Другое направление возможного диалога более конкретно, хотя и не менее важно: это вопрос об обеспечении эффективной благотворительной деятельности и развития совместных социальных программ.

В программе СР читаем: «Наша цель — снятие жестких барьеров между государством и обществом, обеспечение тесного сотрудничества власти и общественных организаций». И далее — конкретные задачи: «Поощрять участие некоммерческих объединений в сфере предоставления социальных услуг (образование, здравоохранение, просвещение, уход за инвалидами), в том числе с помощью государственных грантов. Внедрить механизм государственного заказа, позволяющего общественным организациям участвовать в реализации государственных социальных программ».

Понятно, что в диалоге с Церковью речь должна идти о церковно-государственном взаимодействии в сфере социальной работы. Церковь уже ведет такую работу, но раскрыт ли полностью ее потенциал в этой сфере?

Не секрет, что церковные благотворительные организации нередко сталкиваются с трудностями в осуществлении своей миссии, прежде всего из-за недостатков законодательства, а также нехватки ресурсов. И будет непростительной ошибкой, если

общество и государство проигнорируют ту религиозную мотивацию социального служения, которая достаточно ярко проявилась в последние годы.

Еще одно возможное направление взаимодействия партии и Церкви вытекает из программной установки СР, выступающей за диалог власти, национальных общин и ведущих конфессий.

Такой диалог, конечно, идет, но пока еще не стал системным. В условиях развития религиозной жизни, активной миграции и эксцессов экстремизма на религиозной почве, безусловно, требуется более серьезное и масштабное взаимодействие заявленных участников такого диалога в рамках гражданского общества и с целью формирования общероссийской идентичности. И Русская Православная Церковь, как наиболее крупная религиозная конфессия в нашей стране, могла бы во взаимодействии с парламентской партией придать этому диалогу новый импульс и масштаб.

Если же обратиться к фундаментальным программным положениям партии, то и здесь можно обнаружить параллели с Основами социальной концепции. Речь идет о главных ценностях партии: Справедливость, Свобода, Солидарность.

О задачах создания в России социально-государства и социально ориентированной рыночной экономики говорится и в программах других партий. Однако в плане объединяющих ценностей наиболее острой является именно

тема справедливости и солидарности.

В ОСК РПЦ читаем: «Продолжая на земле служение Христа, Который отождествил Себя именно с обездоленными, Церковь всегда выступает в защиту безгласных и бессильных. Поэтому она призывает общество к справедливому распределению продуктов труда, при котором богатый поддерживает бедного, здоровый — больного, трудоспособный — престарелого. Духовное благополучие и самосохранение общества возможны лишь в том случае, если обеспечение жизни, здоровья и минимального благосостояния всех граждан считается безусловным приоритетом при распределении материальных средств» (VI.6).

Попутно обратим внимание на конкретизацию этой темы в общеправославном послании, подписанном 12 октября 2008 года главами всех поместных Церквей, включая Патриарха Московского и всея Руси Алексия II:

«Пропась между богатыми и бедными драматически разрастается вследствие экономического кризиса, который является результатом извращенной экономической деятельности, лишенной человеческого измерения и не служащей подлинным потребностям человечества, а также погони финансистов за наживой, часто приобретающей маниакальный характер. Жизнеспособна лишь такая экономика, которая

сочетает эффективность со справедливостью и общественной солидарностью».

ОБЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Мы перечислили только самые очевидные пересечения в сфере общественной озабоченности Церкви и партий, бросающиеся в глаза при сравнении церковных и партийных документов. Разумеется, предметом живого диалога должна быть «не буква, а дух».

И несомненно, что в ходе такого взаимодействия обнаружится общность по многим иным позициям — от обозначенных в программе СР вопросов о путях преодоления разделений в обществе (и, в частности, о поддержке соотечественников за рубежом, о чем говорится и в документах других партий) до более общего вопроса обеспечения тесного сотрудничества власти и общественных организаций (в данном случае — организаций церковных и самой Церкви в целом). Обнаружится, конечно, и разномыслие, и различие акцентов. Но на то и диалог, чтобы обогащать друг друга различием точек зрения, подходов, озабоченностей.

В заключение краткая цитата из программы СР: «Культурная традиция взаимопомощи и солидарности, этика коллективных действий существуют в России испокон веков. И сегодня найти свое место в глобальном мире мы можем только сообща... Люди не должны утрачивать ощущение общей

цели, исторической общности и личной сопричастности к судьбе страны».

Вряд ли наше общество сможет достичь состояния солидарности и сопричастности общей судьбе без совместных усилий всех основных субъектов социального и политического действия. Одним из таких общественных субъектов сегодня, несомненно, является Русская Православная Церковь. Но субъектом именно особым, хранящим и отстаивающим духовные и нравственные основы общественного бытия. И поэтому ее вклад в общее дело предельно важен в ситуации переходной эпохи.

Взаимодействие Церкви и политических партий, представленных в органах законодательной власти, — это не просто требование времени. Идея такого взаимодействия логически вытекает из общей ответственности Церкви и народных представителей. Ибо согласно Социальной доктрине самой Русской Православной Церкви «Церковь, по заповеди Божией, имеет своей задачей проявлять заботу о единстве своих чад, о мире и согласии в обществе, о вовлечении всех его членов в общий созидательный труд» (V.2).

За что «кошмарят» Церковь

Последнее время оказалось для Церкви непростым. С начала 2011 года развернут системный проект по дискредитации православия. Примеры: инициативы фонда «Здравомыслие» по срыву строительства храмов, антиправославные программы Первого канала и НТВ с Александром Невзоровым (был доверенным лицом В. Путина) и Антоном Красовским (был рук. штаба М. Прохорова) во главе, громкие антицерковные заявления правых политиков в предвыборный период (В. Иноземцев и круг «Правого дела»), не прекращающиеся попытки некоторых церковных деятелей фактически секуляризировать Церковь и проч.

Авторы подобных инициатив стремятся поставить под вопрос саму легитимность РПЦ. Для этого, например, ставится задача дискредитировать Патриарха Сергия (Страгородского). На место антиклерикализму советских времен, который утверждал, что «Бога нет», выдвинута новая «толерантная» доктрина под лозунгом «Церкви нет». И она все более активно претендует на господдержку.

Власть оказывает знаки внимания новым Берлиозам и Иванам Бездомным. Антиправославные передачи и статьи стали нормой. Извлечены из-под спуда пыльные штандарты воинствующих атеистов, вновь в ходу такие выражения, как «мракобесие», «опиум для народа». И во всем этом есть один парадокс, который сразу бросается в глаза. Люди, объявляющие Церковь в чрезмерной близости к власти, сами ведут свою кампанию именно на государственных телеканалах. Антицерковные пункты предвыборных программ также были бы невозможны без санкции высокопоставленных лиц. И уже полнейший абсурд — препятствия, чинимые городскими и районными властями строительству православных храмов в Москве — вопреки положениям «Программы-200», принятой совместно Церковью и московским правительством.

Вся эта странная ситуация недвусмысленно говорит о том, что заказ на антиклерикальные инициативы исходит из каких-то властных кабинетов. Первые лица демонстративно открывают объятия православию, а затем подведомственные им СМИ смыкают эти объятия до удушья.

Впрочем, мы вправе поставить закономерный вопрос: а не дала ли сама Церковь повода для холодной войны?

Что ж, оглянемся назад. 2011-й стал годом предвыборных кампаний. РПЦ неоднократно подчеркивала: она не принимает участия в агитации, ее

дело — быть над схваткой, сохранять социальный мир в стране. Когда возник кризис доверия к власти со стороны избирателей, РПЦ снова сохраняла нейтралитет. Призывала к диалогу. Предостерегала стороны от непродуманных действий.

Но в центральных изданиях по-прежнему появляются ксенофобские материалы и лозунги. Попытки построить храм вызывают стойкую аллергию у чиновников в некоторых районах. Стремление РПЦ вернуть бывшие церковные здания под свою юрисдикцию называют «рейдерством» — и власть не вмешивается. Зато позволено — по умолчанию — размещать в бывших храмах автосервисы, казино и даже абортарии. Малейшие попытки Церкви предложить обществу социальные инициативы сходу объявляются «ползучей клерикализацией». Тем самым нарушается право Церкви на общественный диалог, присущее ей, как любой негосударственной организации. Де-факто имеет место ограничение свободы слова по религиозному признаку.

Иными словами, заказ на негативную информацию о Церкви и дискриминацию православного сообщества сформирован представителями высших эшелонов власти и бизнеса. И это притом, что нынешние проблемы власти никак не связаны с РПЦ, а позиция Церкви в противостоянии элит нейтральна и миролюбива.

В таком случае логично задаться вопросом:

за что атакуют Церковь? Или, в переводе на медвежий жаргон, за что Церковь «кошмарят»?

По-видимому, дело не в сиюминутной институциональной лояльности или нелояльности. Налицо некое глубинное противоречие: духовное, интеллектуальное, идеологическое. наших оппонентов пугает «общественно-политическая» позиция РПЦ, хоть она и не вмешивается в предвыборные баталии. Их не устраивает поворот к социальной политике, к интересам народного большинства, к идеям солидарности, социальной справедливости и равенства перед законом, отраженным в тезисах Социальной концепции РПЦ.

Почему им так этого не хочется именно сейчас? Есть только один ответ. Вероятно, активная часть олигархии намерена усилить давление на власть и еще более упорно проводить антисоциальный курс. Цель — окончательное встраивание России в глобалистский проект. Следствия этой подгонки видны уже сегодня. В стране закрывают производство: зачем оно, если товары «для дома, для семьи» можно получить в обмен на нефть с газом. Вывоз капитала достиг астрономических величин. Защищать свой внутренний рынок «рыночные» власти не желают: Россия вступила в ВТО, отказываясь от естественных конкурентных преимуществ и рискуя добить и без того ослабленную экономику безденежьем и засильем импорта. Уже пытаются посредством ювенальной юстиции поставить институт семьи под кон-

троль государства. Все это, по мысли авторов российской версии глобального «проекта», РПЦ должна одобрить и благословить. Но это невозможно! Здесь проходит красная линия, которую Церковь не может перейти.

Православная Церковь не торгует индульгенциями, не взимает налога за грехи и не готова одобрить любые инициативы политиков в обмен на хорошее отношение к себе. Божьи заповеди — не предмет для торга. По всей вероятности, раздражает именно это несоответствие Церкви неким «реалиям», а точнее говоря, доктрине рыночного фундаментализма, навязанной власти и пассивному большинству влиятельными богачами.

Все это привело к активизации православных мирян, которые стали задумываться даже о создании партии, которая будет отстаивать интересы православного большинства. Но возникает вопрос: какова позиция самой Церкви, с какими партиями и политиками ей по пути?

Исчерпывающего ответа нет и быть не может. Политический ландшафт подвижен, ведь политика — это искусство компромиссов, уступок и тактических уловок. А церковная догматика неизменна. Тот, кто диктует политическую повестку дня, сам делает себя системой отсчета. Но дело в конце концов не в цветах политического спектра. Правые и левые «повороты» совершают политики. Церковь — стоит на месте. На том месте,

где она должна служить благу народа, окормляя его духовно. Политические взгляды среди членов Церкви могут быть разными, важно одно: это всегда вопрос не тактики, но совести.

Однако в сегодняшней политике есть вполне четко прослеживаемые закономерности. Проводится курс, искусственно вмененный обществу и государству политиками, чиновниками и бизнесменами либерального лагеря. Эти люди на открытых выборах неизбежно проиграли бы все на свете. 1–3% голосов — их потолок. Тем не менее им пока удается продавливать свой курс. Курс на управляемую деградацию. Отсюда закрытие вузов и заводов, утечка мозгов и капиталов, миграционный демпинг зарплат и уровня жизни, отказ от финансирования фундаментальной науки. Устами министра образования нам давно говорят о том, что в стране «избыток образованных людей». Завтра скажут об избытке людей вообще и предложат «оптимизировать демографию». Но Церковь хорошо помнит завещание Александра Исаевича Солженицына о «сбережении народа».

Достаточно внимательно проследить за тем, что говорит Михаил Прохоров и его соратники, и мы увидим такие «революционные» предложения, как плавающий срок выхода на пенсию или переход на полное платное высшее образование. Последнее — шаг к новому сословному обществу. Но Церковь не элитарна. Она — для всех.

Территория Церкви

В эпоху триумфа политтехнологий любые лозунги и теории — это лишь идеологические метки, которыми оперирует истеблишмент, меняя повестку дня и правила игры для собственного обогащения. В последнее время удобно апеллировать к меньшинствам, чтобы держать под контролем большинство. А уж с помощью каких идеологических приманок это сделано — вопрос второй. Дело не в терминах. Нужно помнить простую истину: им нужна амнистия капиталов — нам нужна амнистия совести.

Информационная атака на Церковь

8 февраля 2012 года на портале Credo.ru вышло обвинительное интервью Александра Невзорова, одного из доверенных лиц Владимира Путина на президентских выборах. Интервью жестко антиклерикальное по сути, обвинения сформулированы подчеркнуто хамски и вызывающе неприлично. Невзоров утверждает: власть Церкви держится на жандармах. Лидеры всех без исключения конфессий сговорились и обманывают государство.

Тот, кто счел этот материал клоунадой, издевкой или куражом, абсолютно ничего в нем не понял. Чтобы правильно прочитать этот странный набор реплик, надо знать, кто такой Невзоров, только тогда ясно видна цель и последствия сказанного.

Александр Невзоров отличается от других доверенных лиц, штабистов и политтехнологов, которые работают на Путина. Отличается принципиально и кардинально. У него другой бэкграунд, другой уровень оценки ситуации. Наконец, другая профессия.

Вопреки расхожему мнению, Невзоров никогда не был журналистом в полном смысле слова.

В 1990-е годы в Петербурге он был играющей политической фигурой. Место работы и образ человека в черной кожаной куртке и с «Бетакамом» на плече — да, все это было. Но в реальности их обладатель, так удивительно похожий на репортера, принадлежал к высшим кругам питерского политического бомонда. Приятельствовал с мэром Анатолием Собчаком, они вместе ездили в морские круизы, много общались, что называется «дружили семьями». Естественно, с Владимиром Владимировичем, принадлежавшим к кругу Собчака, Невзоров знаком более 20 лет. Были ли одни дружны? Никто не знает. Но дружба с начальником Путина дорогого стоит.

Занимаясь политикой в 90-е, Невзоров точно оценивал ресурсы и возможности РПЦ. И крутился возле двух самых уважаемых в Петербурге православных людей: митрополита Иоанна Снычева и Льва Николаевича Гумилева. Он сделал с ними множество интервью, был зван ими в гости, на похороны владыки Иоанна на своей машине лично привез кирпич, чтобы обложить могилу. Словом, демонстрировал приверженность Церкви. Программы со Львом Николаевичем Невзоров ухитрялся продавливать на «5-м канале», где работал под началом жгучей ельцинистки Беллы Курковой, которую тошнило при одном упоминании имени Гумилева. Когда Невзорова изгоняли с «5-го канала», он оперся в своей борьбе с Курковой именно на церковный ресурс: православные организовали многолюдный митинг на улице

Чапыгина перед телецентром в защиту православного патриота, создателя движения «Наши». Идти к телецентру агитировали прямо на приходах. Невзоров победил — его восстановили на канале. При этом он всегда оставался самостоятельной политической фигурой. Любые комбинации были для него возможны. Он то поддерживал Собчака, то уничтожал его. Ничего личного — политика.

Иными словами, бывший соловей клерикализма и нынешняя звезда антицерковных эскапад — это одна и та же, очень цельная личность, прекрасно чувствующая направление политических ветров и подводных течений. Самостоятельный. Играющий в разные политические игры.

На многих Невзоров производит диковатое впечатление. По причине невысокого общекультурного уровня. Многие воспринимают его как маргинала. И напрасно. В политике Невзоров маргиналом не был, а образованность в этой сфере чаще мешает. Его куда более образованные последователи — Доренко или Леонтьев, разбирающиеся в тонкостях экономики, философии и искусства, сделали профессиональную журналистскую карьеру, но так и не смогли стать политиками.

Что же мы наблюдаем? Сутки спустя после предвыборной встречи Путина с религиозными лидерами у Невзорова выходит интервью. Как уже было сказано, стилистически оно выполнено в беспредельно хамской форме. Респектабельное издание,

с удовольствием публикующее материалы, направленные против РПЦ, подобный текст, безусловно, не напечатает. Дело даже не в ксенофобии: «приличные» издания постоянно высказывают ксенофобские идеи, но упаковывают их в стилистически «приличную» форму. А здесь очень важен тон. Оскорбительный и провокационный, возможный лишь в самых рискованных (во всех смыслах) закадровых репортажных текстовках. Выбран он абсолютно намеренно и точно.

Невзоровских антицерковных агиток в СМИ сегодня хватает. Но сейчас, в этой нестерпимо благодатной ситуации, которая сложилась на встрече ВВП с «религиозниками», потребовался именно такой грубый окрик. Удар плеткой по лицу. Материал, который сам способен стать событием и перевернуть повестку дня. Выбор издания для этого демарша также не случаен.

Что такое Credo.ru? Уже не раз говорилось и стало общим местом утверждение о том, что в течение многих лет Credo.ru поддерживалось людьми, близкими к администрации президента. Портал выполнял весьма специфическую функцию: он был постоянным раздражителем для РПЦ и использовался для слива негативной информации. В 2010 году потребность в Credo.ru неожиданно отпала. Портал перестали финансировать. Руководство ресурса лихорадочно искало средства на его подержание и нашло — у протестантов.

Почему же перестали нуждаться в Credo.ru его бывшие кураторы?

Судя по всему, именно в 2010 году, вскоре после избрания нового Патриарха, было принято решение о переносе борьбы с Русской Православной Церковью в официальные СМИ — в крупные газеты, журналы, на телеканалы. С начала 2011 года интенсивность давления на Церковь подскочила в разы: вместо небольших интернет-сайтов в дело вступили серьезные информационные ресурсы. Антицерковный курс становится госзаказом. На нем строят свои предвыборные кампании партии и политики.

И вот в этой ситуации Credo.ru вновь пригодилось. Ведь обычное издание напечатать такой текст не может. А стилистика требовалась именно невзоровская: по-другому необходимый эффект не мог быть достигнут. Можно было поручить эту реплику, к примеру, бывшему литпромовцу Багирову (тоже был доверенным лицом ВВП, если кто не знает) с присущей ему еще более резкой позицией «против православных и против русских». Но масштаб Багирова, бесспорно, для этого маловат. Невзоров же подходил идеально. Он, в отличие от многих прочих «доверенных» и «штабистов», не райтер, не политехнолог. Он — один из равных игроков.

Почему же Невзоров выстрелил своей речью сразу после встречи Путина с Патриархом Кириллом и руководителями традиционных конфессий? Не раньше и не позже?

Для того чтобы ответить на этот, самый важный вопрос, нужно понять, чего добивался от Путина Патриарх Кирилл и что пообещал ему кандидат в президенты России.

Если одним словом сформулировать то, что обещал Путин религиозникам, ответ можно дать простой и точный: изменить нравственный климат в стране. За всеми словами про школу, общественное телевидение, благотворительность, строительство храмов стоят более общие и принципиальные вещи. Главное обещание Путина — та самая «корректировка курса», о необходимости которой говорил Патриарх Кирилл. Курса морально-нравственного, курса души и совести нации. И Путин 7 февраля 2012 года на встрече с религиозными лидерами фактически дал это обещание.

Тут же, молниеносно во всех СМИ начинается новый виток массивной пропагандистской атаки на Церковь. Патриарха обвиняют в поддержке Путина, хотя он не произнес ни единого слова в его пользу, если не считать ироничного «оставайтесь на галерах». Путина обвиняют в популизме и мракобесии. Все завершается невзоровским интервью баптисту Владимиру Ойвину, который не скрывает своей солидарности с интервьюируемым. Абсолютно запрограммированный шаг. Однако читатель на этом месте может споткнуться: как же так? зачем Невзорову дезавуировать то, что сказано Путиным буквально сутки назад?

В этом всем есть подспудная логика. Ни для кого не секрет, что на Путина оказывается гигантское давление со стороны компрадорской элиты и олигархата, в руках которого сосредоточены основные капиталы. После встречи с религиозными лидерами стоит шум и кипит все информационное поле. Бьются в истерике блоггеры и журналисты в Интернете и либеральных СМИ. А ведь все обещания были сделаны только на словах, не было подписано никаких бумаг. Тем не менее «кандидат номер один» знает и чувствует: стоит ослабнуть его авторитету, и ресурсы, которые он пока контролирует, могут просто забрать. Что же тогда?

И вот он что называется играет второй рукой. Получая в свой загон православный и проправославный электорат и одновременно успокаивая либеральных невротиков: мол, ребята, бояться нечего, все остается, как было. Такова политическая технология распределения электоральных яиц по двум корзинам.

Путин победил на выборах, но главный вопрос остается открытым: а что получит народ? Разгром Церкви, науки, образования, медицины, индустрии? Демографические чистки, нечистую совесть, двойную мораль? Или справедливое социальное государство и сохранение религиозных, исторических, национальных и нравственных традиций?

За кого голосовали православные

Президентские выборы 2012 года. Спорить о том, сколь они были прозрачны и чисты, предоставим знатокам демократических рецептур. Нам надо жить дальше. И мы понимаем: кто бы ни победил сегодня, наши голоса — не дань гражданскому этикету и не многолетняя привычка опускать бюллетень в урну по свистку. Наши галочки в бюллетенях — это наш проект будущего. Это осознанная позиция людей, объединенных одной верой, одной культурой и одними интересами.

Можно предположить, что «православные» голоса ушли в основном В. Путину и частично С. Миронову — политикам, не скрывающим своей принадлежности православию. Любопытный сюрприз преподнес либерально-православный электорат. Как показало голосование на портале «Православие и мир», в массе своей он отдал голоса атеисту Геннадию Зюганову и убежденному противнику Церкви Михаилу Прохорову. Экзотическая ситуация «православные против православия» еще ждет своих комментаторов.

Если выделить религиозную и экономическую составляющие, то кандидатов можно схематично классифицировать следующим образом:

Зюганов — атеист и за социальное государство.

Мионов — православный и за социальное государство.

Прохоров — атеист и за либеральный рыночный капитализм.

Путин — православный и за либеральный рыночный капитализм.

Жириновского выносим за скобки, так как время бессмысленного агрессивного популизма уже позади. Зюганов — блестящий оратор, в совершенстве владеющий искусством демагогии, но атеистическая гомилетика коммунистов доживает последние дни, их стремительно вытесняют атеисты-либералы. Михаил Прохоров в каком-то смысле пародия на Путина, долженствующая являть собой тот же тип либерал-рыночника, но «аморального» — неверующий, циник, бессемейный, куршавельский гуляка и любимый политик гомосексуалистов.

Владимир Путин — кандидат, представляющий властную элиту и претендующий на роль национального лидера. Совмещает в себе традиционное православие и монетаристские взгляды. Путин — классический правый политик, то есть отражает религиозное мироощущение народного большинства и в то же время стоит на страже рыночного капитализма и правящего класса, который в России

этому большинству враждебен. Ясно, что такая кентаврическая конструкция не вечна. Рано или поздно она исчерпает себя: внутренние противоречия станут сильнее искусственных скреп в виде информационных технологий и админресурса. Владимир Путин должен будет либо стремительно эволюционировать, либо сойти с политической сцены.

И если такой эволюции суждено состояться, то она, бесспорно, будет происходить в том направлении, которое отстаивает сегодня Сергей Миронов: социальное государство плюс традиционные религиозные ценности. Этот тип левого политика необходим сегодня в России как никогда. Поэтому я голосовал за Сергея Миронова.

Русский социализм Миронова, основанный на традиционных ценностях, вызывает отторжение как у рыночников-монетаристов, так и у либерал-атеистов. Политическое и административное давление на него будет лишь усиливаться. Однако народная поддержка позиции Миронова растет одновременно с пониманием его мировоззрения, что не позволит уничтожить его как политическую фигуру. С ним вынуждены будут считаться и сотрудничать. Миронов уже вошел в историю России именно как политик, предложивший новый вектор общественного развития. Фигуры, равновеликие этой исторической задаче, должны появиться в ближайшие 10–15 лет. И лидер «Справедливой России» сегодня прокладывает путь своим будущим последователям.

Собственно говоря, время перемен не за горами. Модель государства, навязанная России, уже уперлась в потолок своего развития. Имя ей — денежный феодализм, который противоречит даже принципам классического капитализма: олигархия и банкиры душат внутренний рынок и национальную индустрию, лишая их кредитов, «съедают» конкурентную среду и выводят из страны капиталы. А капитализма без денег не бывает!

Приходит время менять курс в сторону социальных и национальных приоритетов. Но Россия не страна технократов. Любые шаги в политике должны опираться на духовный базис. Поэтому сегодня приходит время социального православия. По большому счету никакими другими взгляды православного человека быть и не могут. Дело в том, что нельзя сидеть на двух стульях. Нельзя оставаться христианином по вере и быть дарвинистом в социальных вопросах. Нельзя исповедовать любовь к ближнему и оправдывать концепцию естественного отбора («пусть выживет сильнейший»), перенесенную на общество из животного мира. Стыдно приветствовать увеличение пенсионного возраста, платное образование и здравоохранение, финансовый ценз и правовые оффшоры.

Социал-дарвинизм и православие несовместимы. И так уж вышло, что единственный политик, стоящий сегодня на позициях социал-православия — Сергей Миронов. Именно поэтому в предвыборный

период он подвергся беспрецедентным нападкам со стороны СМИ и политиков правого лагеря. Он для них социально чуждая фигура.

Миронов был единственным, кто прямо и без обиняков признавал во время предвыборных баталий: я — православный верующий. Однако православные верующие не только конфессиональная, но и социальная общность. Их интересы простираются за пределы церковной ограды. Как бы ни хотелось воинствующим антиклерикалам выключить РПЦ из общественного диалога, это уже не удастся. Пробуждение социального сознания православных в России — свершившийся факт. Отчасти он стал результатом постепенного возвращения РПЦ к активной позиции, которой она обладала до революции. Отчасти — неизбежной реакцией на антицерковную кампанию ряда светских политиков и СМИ, которую мы наблюдаем в последнее время. Сергей Миронов, будучи православным и в то же время левым социалистом, самим своим присутствием на политической сцене символизирует возвращение православного гражданина в общественную жизнь. Церковь присутствовала в ней до 1917 года. Это ее историческое право. Лишили ее этого права большевики. Но если мы возвращаем Церкви храмы, должны вернуть и ее место в обществе.

Конечно, эта позиция встречает немало возражений как «справа», так и «слева». Самый свежий пример — открытое письмо Патриарху от Владимира

Семенко. Жанр открытых писем к Святейшему уже превратился в болезненную манию у ряда медийных персон (Иван Охлобыстин, Борис Березовский, Геннадий Зюганов). Когда к нему прибегает православный консерватор, это несколько странно. Но это а гророс.

Претензии Семенко к нынешнему курсу Патриархии на «социальную Церковь» заключаются в следующем: «Происходит недопустимое размывание границ между церковно-сакральным и мирским, мутация традиционного православного сознания верующих. Главная порочность нынешних “миссионерских” подходов заключается в содержащейся в них идее некоего “диалога” с внешним, подлежащим воцерковлению, миром, что, как всякий диалог, предполагает некое равноправие его участников, то есть Церкви и этого мира, по слову Писания, “во зле лежащего”». Ведет это все, по мнению Семенко, «лишь к все большему обмирщению Церкви, а отнюдь не к воцерковлению мира».

Факты, вызывающие беспокойство Семенко, действительно тревожны. Да, православных байкеров нельзя воспринимать иначе как недоразумение. Заигрывания Церкви с рок-музыкантами порой выглядят сомнительно. А инцидент с кошунством панк-феминисток в Храме Христа Спасителя, получивший игриво-беззаботный комментарий из уст протодиакона Андрея Кураева, — совсем нехороший симптом. Все так. Но это ведь еще не повод

говорить о «неправильном» миссионерстве и ставить под сомнение курс РПЦ на социальное православие. Более того, как раз без такого курса РПЦ трудно сохранить себя в нынешних условиях.

Возвращение Церкви в политику и социальную жизнь не просто ее право, но и необходимость. Именно поэтому на Церковь нападают, православие пытаются стереть из культурной памяти общества, заменив либеральным социал-дарвинизмом, твердят о «ползучей клерикализации». Тезис о клерикализации ложен. Российская империя до 1917 года была именно светским государством, и Церкви это не мешало быть активным игроком на общественно-политической сцене. А постановления об «отделении Церкви от государства» и «школы от Церкви» были вынесены первым советским правительством в 1918 году. Настаивая на этой позиции, наши противники прямо и недвусмысленно отождествляют себя с большевиками.

И вводят в заблуждение публику. Пусть признаются, у кого заимствовали они свою позицию.

Да, Церковь нуждается в переменах, ей необходима социализация. Но не под диктовку и не по указке секулярных идеологов, а в соответствии с духом Писания и своим внутренним устройением. У церковной ойкумены большой ресурс развития. И в чем она уж точно не нуждается, так это в советах антиклерикалов и их «церковных» союзников, голосящих за атеизм и антиправославную ксенофобию.

При этом очень важно понять: социализация — не секуляризация. Диалог со светским миром — отнюдь не братание и не беседа равных. Это борьба Церкви за свои интересы мирными средствами.

Не Церковь поглощается мирским духом. Наоборот, Церковь пытается противостоять этому духу и воцерковить разные слои населения. Причем в условиях мощного либерального давления, которое — и здесь трудно не согласиться с Семенко — надо активно преодолевать.

В настоящий момент перед нами стоят два искушения.

Первое — это попытка заставить Церковь замкнуться внутри церковной ограды, как было при СССР. В этом вопросе атеисты и ультраконсерваторы единодушны. К счастью, это уже невозможно.

Второе — вдохнуть в Церковь секулярный дух тотального распада. Сделать ее марионеткой, проводником глобалистских ценностей и провести радикальную реформу православия. Это позиция православных, отдающих голоса Зюганову и Прохорову. Но запустить программу самоуничтожения Церкви мы не позволим. И политики с православными взглядами нам в этом помогут. Последние станут первыми.

Панк-молебен, поэзия и кровь

Давайте попробуем посмотреть на всю историю с акционистками PR внимательно и спокойно. Иначе мы не поймем главного — зачем это было сделано и какие последствия нас ожидают. Я не собираюсь с кем-либо вступать в полемику — этот текст предназначен только для моих единомышленников, членов Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

Перед началом Великого поста несколько молодых женщин, объединенных в музыкальный коллектив, вошли в главный храм нашей Церкви. Мы практически ничего не знаем об этих женщинах, кроме того, что название их коллектива переводится на русский язык непристойно-унизительным обозначением женского полового органа. Были да небылицы про их личную и публичную интимную и творческую жизнь мы не рассматриваем. Это нас не касается.

Женщины желали сохранить анонимность, для чего закрыли лица шапками с прорезами для глаз и рта. Они забрались на амвон, начали скакать, затем

Александр Щипков

встали на колени, повернувшись задом к Престолу
и Святым Дарам, и, размахивая руками и крестясь,
выкрикивали некий текст, который заранее написа-
ли и затем опубликовали в Сети. Вот этот текст:

*Богородица, Дево, Путина прогони
Путина прогони, Путина прогони*

*Черная ряса, золотые погоны
Все прихожане ползут на поклоны
Призрак свободы на небесах
Гей-прайд отправлен в Сибирь в кандалах*

*Глава КГБ, их главный святой
Ведет протестующих в СИЗО под конвой
Чтобы Святейшего не оскорбить
Женщинам нужно рожать и любить*

*Срань, срань, срань Господня
Срань, срань, срань Господня*

*Богородица, Дево, стань феминисткой
Стань феминисткой, феминисткой стань*

*Церковная хвала прогневших вождей
Крестный ход из черных лимузинов
В школу к тебе собирается проповедник
Иди на урок — принеси ему денег!*

*Патриарх Гундяй верит в Путина
Лучше бы в Бога, сука, верил
Пояс девы не заменит митингов —
На протестах с нами Приснодева Мария!*

*Богородица, Дево, Путина прогони
Путину прогони, Путина прогони.*

В тексте легко вычленяются следующие послылы:

- оскорбление Господа;
- оскорбление Божией Матери;
- оскорбление Патриарха;
- оскорбление прихожан;
- пропаганда гомосексуализма;
- пропаганда феминизма;
- негативное отношение к введению в школе ОПК;
- политический призыв митинговать против Путина.

Во время этой акции в храме, как обычно, находились молящиеся люди, которые стояли перед иконами и мощами, ставили свечи на канон и молились об усопших. Их молитва была прервана криками участниц группы PR.

Охрана попросила поющих прекратить их действия, никто их не арестовывал. Женщины покинули храм самостоятельно и отправились давать интервью прессе, которая заранее была уведомлена о готовящемся мероприятии.

Вот, собственно, и все.

Сама по себе выходка женщин с закрытыми лицами не представляет ничего необычного. Нам всем доводилось видеть в храмах и бомжей, и пьяных, и бесноватых, и агрессивных хулиганов. Нападения на храмы как с целью ограбления, так и «немотивированные», то есть святотатские, — вещь нередкая, особенно в провинции. Спросите любого архиерея и вы узнаете, сколько храмов в год подвергается нападениям и оскорблениям в его епархии. По стране — это сотни храмов. Но данный случай не вписывается в этот ряд. Он особенный.

После «выступления» PR в ХХС началось главное — медийная подача события и идеологическая обработка граждан, которая, увы, коснулась и православных, как мирян, так и духовенства. Мы попали на крючок антицерковной пропаганды.

Эта пропаганда выстроила следующую концепцию:

PR молились.

PR — это искусство.

PR — жертвы.

Все три тезиса абсолютно ложны. Но мы приняли их и начали вести дискуссию в предложенной нам парадигме.

PR никакие не жертвы. Они реализовали заранее спланированную акцию, агрессия которой была направлена против тех, кого они по своим политическим и антирелигиозным мотивам ненавидят, презирают и хотят унижить. В их задачу входила

провокация внимания к своему коллективу и своему мировоззрению.

PR не имеют отношения к искусству не только потому, что их текст и движения не доставили зрителю эстетического удовольствия (это хорошо видно на фотографиях, которые они сами сделали и выложили в Сети), не только потому, что жанр и форма должны соответствовать месту (группу «Лесоповал» трудно представить в зале Чайковского), но и потому, что искусство кончается там, где начинается политическое обслуживание.

И теперь главное. PR не молились. Это была прямая и откровенная пародия на молебен. Поэтому больше всего меня поразило то, что некоторые мои сестры и братья стали рассуждать о том, что-де они «помолились, как умели».

Искать «зачинщиков» и «организаторов» не нужно, поскольку произошло это событие исключительно по вине российской власти, той ее части, которая отвечает за «внутреннюю политику», то есть за те идеологические и мировоззренческие импульсы, которые власть посылает народу через подконтрольные ей СМИ, в первую очередь через телевидение.

В течение последнего года власть намекнула, что можно публично травить и унижать нас, православных. Естественно, противники православия с радостью откликнулись на это предложение и сперва робко, а затем и удало стали глумиться над нами,

нашим духовенством и нашей Церковью.

Начиналось все год назад с почти академических рассуждений о «клерикализации» государства и «обмирщении» Церкви, а закончилось паясничаньем перед нашими святынями.

Я не буду предлагать рецепты, как нам реагировать. Не наше дело давать правовую квалификацию, не занимайтесь этим. Это дело государства и Президента, которого мы наняли как гаранта Конституции охранять нас и наши традиции от нападков со стороны третьих лиц.

Главное, на что я хотел бы обратить внимание, — это попытка защитников группы PR вопрос «преступления» подменить вопросом «наказания». Вокруг этой подмены они строят все спекуляции на тему христианского всепрощения. Церковь никого не судит, каждый из нас сам лично решает, как он относится к поступку PR — осуждает или прощает. Это вопрос совести отдельного человека, тут не может быть коллективного решения. Правильно сказал В. Легойда: «...представители Церкви... не поддерживают идею реального срока заключения по этому делу, но призывают к его общественному осуждению и признанию преступлением». Но православные его не услышали и повелись на уловки наших недругов — стали спорить о наказании. И вслед за А. Кураевым в конце концов пришли к выводу, что преступления не было. А оно было! Что PR — жертвы. А они не жертвы! Что это пусть

неудачное, но искусство. А это не искусство! Что PR молились. А они не молились!

Вас, друзья мои, обвела вокруг пальца все та же пропаганда. И «купились» на нее многие: от Юрия Шевчука до Александра Архангельского, от молодого отца Дмитрия Першина до умудренного лагерями отца Павла Адельгейма. Мы начали, повторяю, вести дискуссию с нашими оппонентами в предложенной ими парадигме, абсолютно тупиковой и проигрышной для нас. Нам не нужно спорить. Нам нужно просто называть вещи своими именами. «Панк-молебен» — это молебен наизнанку, то есть не молитва! Это в лучшем случае, а в худшем — молитва нечистой силе. Мы не должны рассуждать о наказании. Мы должны констатировать преступление. Ведь никто не подвергает сомнению, что комсомольские «молебны» и прочие надругательства 20-х годов суть преступления против народа и его веры.

Я нисколько не сомневаюсь, что подобные бесчинства будут продолжены. Мы же промолчали, мы же веселились, когда свои же православные журналы написали на Кирилла Фролова пародийную «икону» и «тропарь». Скушали эту мерзкую затею. А некоторые и одобрили. Получайте следующую порцию — «иконы» на участниц музыкальной группы с непристойным названием.

Вы этого хотели? Вы хотели унижения Божией Матерью? Уверен, что нет. Тогда оглянитесь вокруг

и поймите — нас в этом мире сегодня едва терпят. Поймите, что с нами не шутят. Поймите, что в любой момент к власти могут прийти совсем иные люди и кровь польется рекой. К этому нужно быть готовыми всегда. Вы думаете, что антиклерикальные стишки Дмитрия Быкова про Пояс Богородицы чем-то принципиальным отличаются от стихов Владимира Маяковского? Напомнить?

*Тихон патриарх,
прикрывши пузо рясой,
звонил в колокола по сытым городам,
ростовщиком над золотыми тряся:
«Пускай, мол, мрут,
а злата —
не отдам!»
Чесала языком их патриаршья милость,
и под его христолюбивый звон
на Волгедох народ,
и кровь рекою лилась —
из помутившихся
на паперть и амвон.
Осиротевшие в голодных битвах ярых!
Родных погибших вспоминая лица,
знайте:
Тихон
патриарх
благословлял убийцу.*

*За это
власть Советов,
вами избранные люди, —
господина Тихона судят.*

[1925]

Маяковский обслуживал власть и не только оправдывал, но и провоцировал пролитие крови христиан. Что, нынешние пииты, обслуживающие власть и хулящие Церковь, лучше и чище? На них пока еще нет крови?.. Будем ее ждать?

Не стройте никаких иллюзий. Цель всей антицерковной пропаганды, включая акцию РР в ХХС, — натравить народ на собственную Церковь, восстановить народ против собственной веры. Сегодня власть нам не защитница. Это нужно отчетливо понимать. Никто, кроме нас самих, не защитит нашу веру и нашу Церковь. Так что нам нужно, не глядя на множество внутренних разногласий и споров, объединяться вокруг Матери-Церкви и нашего Предстоятеля. Никакого другого пути Христос нам не давал.

Холодный теракт

19 июня 2012 года инициативная группа православных христиан опубликовала открытое письмо Патриарху Кириллу с требованием, чтобы он обратился в правоохранительные органы с ходатайством о помиловании Надежды Толоконниковой, Марии Алёхиной и Екатерины Самуцевич, которые в начале 2012 года проводили пляски на амвонах Богоявленского Елоховского собора и Храма Христа Спасителя.

Сегодня в православной среде идет интенсивный процесс «формулирования мировоззрений» и определения личного отношения к Церкви, государству, политике. Подписавшие письмо заняли четкую идеологическую позицию.

На мой взгляд, это письмо, приуроченное к очередному судебному заседанию по делу Толоконниковой и др., имеет огромное политическое и религиозное значение. Для того чтобы его понять, необходимо осознать глубинный смысл акции PR. Только тогда становятся прозрачными задача и место открытого

письма Патриарху в политическом процессе. В течение четырех месяцев я останавливал себя и не говорил об этом публично, чтобы не усиливать и без того негативное общественное мнение о задержанных. Это письмо вынуждает меня назвать вещи своими именами.

Акции Толоконниковой и ее единомышленников в храмах Русской Православной Церкви одни называют «панк-молебнами», другие — кощунством и святотатством, третьи — глупой шалостью, но никто не говорит о том, что же это было на самом деле.

По поставленным политическим задачам, методике исполнения и достигнутому результату это — террористический акт. Задача теракта — посредством совершения разрушительного действия оказать влияние на принятие решений органами власти, привлечь максимальное внимание прессы и одновременно вызвать сочувствие к своим требованиям у населения.

Русской Православной Церкви объявлена холодная война, и этот теракт носит «холодный» характер без пролития крови. Но по тем задачам, которые ставила перед собой группа лиц, манипулирующая Толоконниковой, Самуцевич и Алёхиной, и по достигнутым результатам — это теракт. Террористки, независимо от того, являются ли они реальными смертницами или исполнительницами «холодного» теракта, сознательно идут на жертву во имя цели, которую они ставят перед собой. Только

с этой точки зрения и можно оценивать поведение и поступки этих женщин. Недаром многие обращали внимание на схожесть психологических типов Хасис и Толоконниковой.

Это — террористический акт.

Теперь о письме. Впервые за 20 лет религиозной свободы члены Церкви выдвигают ультиматум своему Патриарху. Они пытаются заставить Предстоятеля обратиться к светским властям, которые под его давлением должны выполнить требования лиц, подписавших это письмо. Авторы письма добиваются помилования и немедленного освобождения из-под стражи Толоконниковой, Самуцевич и Алёхиной. Патриарх должен стать орудием выполнения их требований.

Фактически авторы письма прямо объявили войну своему Предстоятелю и косвенно всей Церкви, поскольку ультиматум предъявляет одна из воюющих сторон. Причем сильная — слабой.

Они сокрушаются о том, что Церковь и ее Предстоятель не заступаются за участниц группы Pussy Riot. Сокрушаются, но сами не пишут письма в правоохранительные структуры. Если у них болит сердце о спасении душ этих женщин, то они должны за них молиться келейно или соборно. Должны помогать их семьям. Должны не требовать от Церкви, а самим быть Церковью. Вместо этого мы видим поток фарисейства и единственное желание — подчинить себе Патриарха.

Сломать его, заставить выполнять их политическую волю.

К чему сводится этот ультиматум? Какова его цель? Либеральная оппозиция постоянно обвиняет Патриарха в том, что он сервилен по отношению к существующей государственной власти. Авторы же письма требуют от него сервильности по отношению к себе. Их цель — заставить Патриарха, а вместе с ним и всю Церковь выполнять их волю. В противном случае они угрожают ему церковным расколом и обещают противостояние со «значительной частью нашего общества». Шантажируют. Для усиления давления инициаторы обращения растянули сбор подписей во времени, на целую неделю, поддерживая медийное внимание к своему обращению.

Резюмируя, нужно прямо сказать, что и «холодные» теракты в православных храмах, и нынешний ультиматум Патриарху — звенья одного громадного политического проекта. Следующее звено — требование сместить Патриарха Кирилла или вовсе ликвидировать институт патриаршества.

Путин. Потеря сакрального

Мало кто помнит, что 7 марта 2012 года Владимир Путин принес «священнослужителям и верующим» извинения за антихристианский пародийный молебен, устроенный на амвоне в Храме Христа Спасителя.

Первая мысль, которая пришла тогда мне в голову, посоветовать Владимиру Путину выгнать взащей того, кто подсказал ему столь очевидно ошибочный пиаровский ход, поскольку, извиняясь, он прямо солидаризировался с теми, кто это вытворял. Потому что извиняться можно только за то, к чему причастен и в чем раскаиваешься. Логичнее было бы извиниться за своих доверенных лиц, которые хулили Христа и избивали журналистов.

Но это все пустяки. Советники президента останутся на своих должностях, а бывшие доверенные лица — в прежней первобытной дикости. Дело не в них. Дело в самом Путине, вернее, в «сакральности» его власти.

Впрочем, начнем наш разговор иначе.

Сторонники Болотной площади, а лучше ска-

зять, противники Владимира Путина — люди неблагодарные. Ведь именно Путин, а не кто-то другой последовательно на протяжении двенадцати лет формировал гражданское общество, пытался построить партийную систему, защищал страну от внутренней межнациональной войны, территориального распада, экономического развала. Вспомните, как пришел Путин. Не как царь, не как вождь, а как управленец, как кризисный менеджер. Пришел и сказал: отложим в сторону любимую русскую забаву — поиски национальной идеи — и начнем работать. Это было его предложение, а не наше.

Но нам, русским, трудно жить без сакральности власти. Практически невозможно. Не потому, что мы холопы, а потому, что через власть, которая «всегда от Бога», хотим получить водительство Божие. Хотим, чтобы властитель был не только сильным, но добрым, справедливым, правящим по совести. Русские должны любить своего властителя. Эта любовь дает ему силу на правление и делает его власть легитимной. Не строгое наследование по крови и не честные выборы, а именно доверительная любовь народа. А кроме того, и это самое важное, эта любовь дает ему сакральность, необходимую для выполнения божественной миссии, необходимую для того, чтобы властитель стал орудием Бога, а не Его антагониста.

Сакральность была дарована Путину народом с первой минуты его правления. И он, чувствуя ее

всем своим существом, приступил к великим государственным делам. Усмирил Чечню, отобрал у американцев нашу нефть, практически прекратил выплаты контрибуции за проигранную холодную войну, объединил Церковь. Реабилитировал понятие «патриотизм», не уничтожив при этом понятие «демократия», вернул стране гимн, а народу — чувство собственного достоинства.

Это были великие дела! Отрицать это невозможно.

Сможет ли простой офицер выдержать эту огромную психологическую, нравственную и мистическую нагрузку? Ведь его не воспитывали как наследника, до сорока лет он ничего не знал о Христе, о Церкви, о существовании мира божественных энергий. Сможет, если сохранит «сакральность», если вернет источник своей силы — утраченную народную любовь.

После Ельцина, опозорившего нацию пьяными выходками, народ подарил свою любовь чекисту Путину. Не писателю, не ученому, не священнику, а чекисту (!) — современному мытарю. В этой любви было все — и прощение за прошлые гонения, и надежда на будущую справедливость. Любовь растеряна, и мы видим, как Путин пытается ее вернуть. Но сделать это административными и пиаровскими мерами невозможно!

Я не готов говорить о причинах потери любви. А если сказать честно, не хочу. Не потому, что это требует «отдельного размышления», а потому, что

причина скрыта в самом Путине, в его поступках за последнее четырехлетие. Глядя из 2012 года в год 2007, я могу лишь предположить, что, возможно, прав был тот, кто предлагал ему не прерывать миссию и идти на третий срок. Он принял иное решение: поступить конституционно — отказаться от власти и доверить ее другому «человеко-орудию». Теперь он вернулся.

Возможно ли Путину вновь обрести народную любовь? Возможно. Но для этого от него потребуются не пиаровские трюки, а трудные нравственные поступки. Кого-то простить, кого-то помиловать, кого-то вернуть, с кем-то расстаться, а перед кем-то покаяться и повиниться за слабость и предательство. Нет человека, который не согрешил.

Возможно ли дважды войти в одну реку? Христианину возможно. Поцеловав крест и Евангелие и склонив голову под епитрахилью.

«А причем тут, собственно, история с Pussy Riot и путинские извинения?» — вправе спросить читатель.

Объясняю. Путин извинился не вообще перед кем-то, а конкретно перед «священством и верующими». По мысли путинских пиар-технологов, это должно выглядеть как поступок церковного человека, как некое покаяние от имени верховной власти за деяния своих «неразумных детей». Но по церковным правилам запрещено каяться в том, чего не совершал.

Александр Щипков

Поступок Путина оказался профанным и свидетельствует о том, что он потерял интуицию, ту высшую интуицию, которой он, безусловно, обладал многие годы и которую люди, лишенные религиозного знания, воспринимали как фартовость.

Каждому есть в чем каяться. Извинения же за чужой проступок, а не за свой собственный прямо указывают на потерю ощущения сакрального начала своей власти, без которого Путин не сможет не только продолжить возрождение России, но даже тихо уйти в историю неосвистанным.

Параллельные миры Медведева

Резонансное интервью с адвокатом Дагиром Хасавовым, показанное по «Рен ТВ», буквально взорвало СМИ и блогосферу. Хасавов потребовал создать в России шариатскую правовую автономию, которая будет действовать поверх действующего законодательства и поверх федеративных границ государства.

Вот вам результат медведевской политики последних лет! С ее грязной антицерковной кампанией и жесточайшим социальным неравенством. Старый президент уходил. И что мы наблюдали под занавес? Пышное, официальное открытие Кронштадтского собора, а на деле — гонения на Церковь, которые не прекращаются. И вот теперь другая часть общества, пользуясь разбалансировкой механизмов госуправления, медленно, но верно выходит за рамки правового поля.

Комментаторы обсуждают вопрос несовместимости норм шариата с действующим законодательством. Но самое примечательное в словах адвоката не это. И даже не кровавый ультиматум власти

(«мы зальем город кровью»). А то абсолютное отрицание законов общества, внутри которого живет он сам и его единомышленники. По словам Хасавова, мусульмане «не хотят ввязываться в многоступенчатую судебную систему», которая существует в России. То есть не желают жить по действующим законам. И при этом считают себя хозяевами страны. А тех, кто согласен жить по законам, — пришельцами. «Вы чужие. Мы — у себя дома. И будем устанавливать те правила, которые нас устраивают».

Основанная на нормах шариата правовая автономия, которую требует Хасавов, является де-факто провозглашением «государства в государстве». Причем государства экстерриториального — не имеющего своей территории, но имеющего свои законы. Иными словами, это автоматически превратит Россию в исламское государство, вот и все. Православные и другие немусульмане, количественно представляя собой большинство, в юридическом смысле окажутся меньшинством.

Стоит ли говорить, что это не удовлетворяет критериям федерации, которой является Россия. Ситуация попросту абсурдная. Что значит позволить нормы шариата и мусульманскую автономию? Предположим, что эта идея осуществилась. Тут же возникнет автономия православная. Ведь РПЦ также имеет свое каноническое право, только распространяется оно исключительно на внутрицерковные отношения. Но предположим, что вслед

за мусульманами православные объявляют теократию для своих единоверцев, нисколько не соотносясь с гражданскими законами. Тогда они применят нормы канонического права ко всем аспектам жизни, к бытовым и социальным отношениям.

Но почему происходящее стало возможно именно сегодня?

Медведевская модель управления не то что плоха — она просто симулятивна и не справляется с ситуацией, когда требуется вмешательство. Демидург этой модели и его ближайший круг полностью недееспособны. Эта команда, вместе с «Единой Россией», которую Медведев возглавил, предлагает создавать в России параллельные управленческие и медийные «миры». Параллельное «большое» правительство, параллельную науку, параллельное экспертное сообщество. Вообще-то именно эту идею параллельных структур совсем недавно мы слышали из уст Касьянова и Каспарова. Они давно уже предлагают создавать параллельные управленческие структуры, которые будут постепенно ослаблять и вытеснять существующие.

Раскол РПЦ и создание параллельного православия — вот истинная цель нынешней антицерковной истерии. Про шариат как параллельное право мы уже сказали выше. И это очень сильный удар по традиционному исламу.

Чтобы восстановить целостность российско-

Александр Щипков

го общества и сохранить целостность российского государства, нужны единые и неделимые парадигмы: правовые, культурные, территориальные. Одни юридические и нравственные правила для всех.

Церковь перед угрозой секулярной реформации

Антицерковная политическая кампания выходит на новый этап. Ее внутренние механизмы не тайна за семью печатями. Принципы современной сетцентрической войны (а с ними наши оппоненты хорошо знакомы) диктуют простой алгоритм действий. Не стоит заниматься прямым подавлением противника, если есть возможность вмешаться в работу его собственных систем управления. Необходимо навязать противнику неверную оценку ситуации, заставить его самого делать неправильные ходы, ведущие к проигрышу.

Нам выдвигают ультиматум

Откровенная война против РПЦ, начатая в период правления Дмитрия Медведева, имеет свою теоретическую базу. В основе лежит идея о том, что Церковь необратимо теряет влияние, поскольку имеет большие проблемы с исторической легитимностью. Чтобы восстановить «проблемную»

легитимность, якобы требуется апгрейд церковного устройства и церковной идеологии.

Платой за «исправление» стало бы усвоение Церковью секулярной системы ценностей: морального релятивизма, экуменизма, политкорректности, тотальной конкуренции и других законов общества потребления. Такая метаморфоза — не что иное, как секулярная реформация. Логика «реформаторов» следующая: если Церковь не смогла сохранить себя, значит, должна вручить им свою судьбу. Обвинение кощунственное. Как если бы русским крестьянам вменялось в вину «неумение сохранить себя» в период коллективизации, а немецким евреям — неспособность сохранить свою диаспору в годы нацистского террора.

Они признаются: «Для настоящего религиозного подъема необходима православная реформация». Но при этом делают важную оговорку: реформация не изнутри, а извне, с внешним вектором. Поскольку «внутри самой Церкви нет сил, способных ответить на вызов времени». Что ж, вполне откровенно. «Ты говоришь!»

К сожалению, кабальный курс на секулярную реформацию навязывается нам не только извне, но и, можно сказать, изнутри. Идея исходит, в частности, от верующих либерал-православного направления, которые настойчиво твердят о «неизбежном расколе» в РПЦ, и об «исходе из Церкви мыслящих людей» в случае, если исторический контракт

с обществом потребления не состоится. Иными словами, Церкви выдвигают ультиматум.

В то же время очевидно, что запуск программы секулярной реформации, если паче чаяния она была бы принята Церковью, не может произойти сразу. Первым шагом к этой доктрине стало бы добровольное принятие Церковью концепции «коллективной вины». Вины за тяжелый, но неизбежный компромисс церковных иерархов с советскими госструктурами в предшествующую эпоху. В числе прочего условием, выдвинутым Церковью, стало бы ее отречение от Патриарха Сергия (Страгородского). Кстати, нетрудно заметить, что указанный комплекс идей как две капли воды напоминает концепцию «коллективной вины» русских за преступления советского режима, от которых как раз русское население страны больше всех и пострадало. Теперь согласия оговорить себя ждут от Церкви. Бог даст — не дождутся.

Правильным отношением к проблеме было бы следующее: период государственного пленения РПЦ в советское время (как и в синодальную эпоху) был неизбежен. Речь шла о самосохранении Церкви. Это не ее вина. Это нанесенный ей ущерб. Который должен быть возмещен современным государством бывшей узнице режима.

Но пока еще Церковь не сосредоточилась для того, чтобы дать верный ответ на этот исторический вызов. И мы наблюдаем переключивание

исторической вины с палача на жертву. А вслед за этим — ультиматум: чтобы сохранить исторический статус, надо принять на себя ложную вину. Фокус в том, что как раз после такой сделки исторический статус Церкви и будет похоронен навсегда.

Условия сделки, которая не состоится

В общих чертах ситуация понятна. Но содержание навязываемой нам сделки представляет сугубый интерес.

Разумеется, РПЦ обвиняют в любви к государству, сервиллизме, «иосифлянской болезни» не просто так, не «на интерес». Ее хотят заставить пожертвовать своей исконной субъектностью и стать рупором «модернизации». Как заметил известный православный активист Филипп Грилль, «...если бы Церковь позволила использовать свой бренд для маркировки либеральных ценностей, которые лежат в основе нынешнего политического курса, ее бы превознесли. Но именно это и было бы сервиллизмом, огосударствлением, “иосифлянской болезнью”». Точнее не скажешь. Но справедливости ради надо заметить, что дело не только в неолиберальных амбициях бывшего президента Медведева и его команды. Вопрос глубже. На чьей бы стороне внутри властного многоугольника ни выступила Церковь, она в любом случае потеряет себя.

Существенна именно политизация конфликта. Ультиматум Церкви выдвинули не какой-нибудь, а политический. Как раз те, кто бравивирует антиэтатистской риторикой, хотели бы от РПЦ поддержки ценностей лишь одной части правящей элиты. Причем право формулировать идеологию и определять курс страны имеют сейчас представители именно этого лагеря. Получается крайне забавная ситуация. От Церкви добиваются того, в чем ее обвиняют. Наши критики очень хотели бы повернуть игровую доску на 180 градусов. Сейчас они играют черными. Но при условии, что Церковь примет их программу, они прекратят нажим на нее и свернут антицерковную кампанию. Будут играть белыми. Вот этот перевертыш — явление крайне поучительное. Фактически нам предлагают сделку и говорят: «Почему бы вам не принять наши ценности, не проявить сервильность, если мы и так всех убедим в вашем сервильизме». Это уже не просто ультиматум. Это прямой шантаж.

Искушение состоит в том, чтобы купить себе дутую репутацию в обмен на репутацию подлинную. В обмен на совесть. Церковь на такое никогда не пойдет. Ступить на этот путь просто-напросто означало бы расстаться со Христом.

Отказавшись от нравственных начал и приняв вместо них предложенные критерии, Церковь утратит субъектность и превратится в рупор правящей элиты. Она полностью потеряет и моральный

иммунитет, и собственные интеллектуальные ресурсы, и свою социальную нишу. Она станет девочкой на побегушках, чтобы не сказать хуже. И вряд ли этого не понимает группа внутрицерковных либералов, подталкивающая РПЦ к самоубийственному шагу.

ПРИНУЖДЕНИЕ К РАСКОЛУ

Не дай нам Бог по лености души не дать отпора этим устремлениям. Последствия были бы необратимы. Принятие негативной идентичности быстро разрушило бы церковное единство. Вот тогда новый раскол мог бы стать реальностью. Настоящий, глубокий, с новыми Аввакумами и Морозовыми. А не в виде пустого интеллигентского позерства.

К расколу нас сегодня также не устают подталкивать. Чтобы не слишком беспокоились, сперва убеждают в том, что «скрытая “холодная” гражданская война, продолжается в России почти два десятилетия». Мол, чего особенного-то? Все очень обыденно. А потом как ни в чем не бывало оглашают приговор: «На горизонте Русской церкви вновь замаячил раскол. Причем катализатором его, похоже, станут именно действия церковных верхов» (В. Пастухов). Опять унтер-офицерская вдова сама себя высекла. Церковь сама себя раскалывает. Нет уж, любезные. «Вы и убили-с!»

Это ваша позиция: не допустить воссоединения

в теле Церкви людей разных взглядов, продолжать историческую смуту, затеянную большевиками, потребность длить ее дальше и дальше.

Как реагировать на пророчества нового раскола? Укреплением церковных общин и приходов. Как относиться к интеллигентской «анафеме» от адептов секулярной реформации? Как к их личному идейному выбору. Это не наша проблема. Кто сам отделяет себя от Церкви, тот идет своей дорогой — прости его Бог. А главная задача Церкви — не сделать те ошибочные ходы, которые растворили бы ее самостоятельность в море глянцево-фельетонных описаний русской истории. Утрата идентичности приведет Церковь к полному политическому закреплению.

Мы верим, что еще одной реформации в мировой истории не будет. Путь Церкви не станет путем самоидентификации с постмодернистской идеологией правящего класса. Сама Церковь может христианизировать общество по мере желания последнего и отпущенных Господом возможностей. Но не наоборот.

Как заставить Церковь бороться с государством

Тезис о сращивании Церкви с государством стал в последнее время разменной монетой. Его используют в осуждение православной Церкви в любом разговоре о вере или верующих. Многократным повторением его хотят сделать аксиомой, нимало не пытаясь хоть как-то обосновать и доказать. Все это наталкивает на мысль о том, что борьба за очищение Церкви превращается в борьбу с государством как институтом.

О политических подлогах и о том, как под видом стремления отделить Церковь от государства скрывают жесткое реальное намерение отделить православие от общества (т. е. остановить миссионерство), мы подробно говорили в статье «Беспредельный антиклерикализм». Повторять не будем. Заметим только, что церковно-государственные отношения не сводятся к появлению Ельцина или Путина на пасхальном богослужении.

Никто не видит огромного пласта непубличного общения представителей Церкви с представи-

телями власти. Почти всегда отстаивать интересы Церкви приходится в очень жестких переговорах. За закрытыми дверями никто с нами не церемонится и не соблюдает этикета. Но переговоры необходимы. Взять, например, институт капелланов. Приняты все необходимые решения, а укомплектование кадрами тормозится. Почему? Ответа нет. Можно, конечно, вспомнить скандальный визит министра обороны в Рязанское десантное училище, но мы не будем делать глобальных выводов из той антицерковной выходки. Необходимо дальше вести переговоры, настаивать и добиваться.

Один из признаков сращивания — это вмешательство государства в дела Церкви. Жду примеров. Не найдете ни одного. Чиновничьи палки в колеса при строительстве храмов — сколько угодно. А вмешательство во внутренние дела — нет. Помню, какой шок в администрации президента вызвало одно лишь решение о разделении епархий. Они узнали об этом последними. А некоторое участие государства в восстановлении храмов — так это долг выбранной нами власти помочь гражданам восстановить церкви, в которых они нуждаются, а не сращивание.

Церковь упрекают в том, что в XIX веке она не выступила против крепостного права. Этот упрек характерен для того, кто видит Церковь политическим субъектом, равным государству. То ли государством в государстве, то ли неким православным

«ватиканом», который вступит в борьбу с государством за политические свободы граждан и усиление собственного влияния.

Вот здесь — внимание!

Долг христианина — не допустить использования Церкви в качестве инструмента борьбы с государством. А ведь именно эту задачу сформулировал Борис Березовский в своем заявлении о создании «Партии воскресения». Текст этого письма является своеобразной инструкцией: выгодно не критиковать РПЦ, а попытаться использовать ее в борьбе с «языческим» государством. Кто-то услышал Березовского, кто-то — нет. Глупые либералы продолжают материть и поносить Церковь, а умные либералы уже активно меняют риторику по двум направлениям. Первое: доказывают, что «несистемная» оппозиция сплошь православная. Второе: разворачивают в светских изданиях дискуссию о необходимости очищения, реформирования и обновления Церкви. В противном случае, — пугают они нас, — в Церкви неизбежен раскол. Читайте умных нецерковных публицистов (Ясина), умных нецерковных социологов (Дубин), умных нецерковных философов (Пастухов) и вы это все сами увидите. Но это люди нецерковные.

К дискуссии же внутри Церкви мы должны относиться ответственно и осторожно. Как бы нам за призывами к обновлению не подорвать устои Церкви. Тут нужно действовать очень плавно

Территория Церкви

и очень медленно. Для Церкви гомеопатия предпочтительней аллопатии. А уж хирургия и вовсе не нужна. Она, как известно, не обходится без крови.

Как разрушить Церковь. Инструкция

В течение последних двадцати лет отечественная атеистическая мысль находилась в неустанном поиске новой формы борьбы с православием. Если при советской власти «научные атеисты» пытались доказать, что «Бога нет», то теперь острие борьбы направлено на то, чтобы доказать, что не существует самой Церкви. Церкви не как института, а как Тела Христова. Советской власти не удалось уничтожить в народе веру во Христа Спасителя, почитание Божией Матери и святых угодников. Взялись с другой стороны.

Новая идеологическая установка, навязываемая общественному мнению противниками христианства, уже овладевает умами православных мирян и даже духовенства. Чтобы убедиться в этом далеко ходить не нужно — загляните в соответствующие сообщества ЖЖ, ФБ или на популярные православные сайты.

Итак, изучаем инструкцию по уничтожению Православной Церкви. Кратко и схематично излагаю теорию, цель которой — доказать, что Церкви нет.

Первый тезис. В конце XIX — начале XX веков Российская Православная Церковь представляла собой государственный институт, который насаждал православие, служил господствующей власти и в результате вызывал презрение, раздражение и ненависть во всех слоях общества, таких как дворянство, интеллигенция, крестьянство, фабрично-заводские рабочие, и даже в среде самого духовенства. (На эту тему в рамках исторической социологии уже подготовлены соответствующие работы.)

Второй тезис. В 20–30-е годы XX века были расстреляны, арестованы или бежали за границу представители духовного сословия. Репрессии являются закономерным следствием ненависти к Церкви абсолютно всех слоев дореволюционной России. Таким образом, вина за репрессии ложится на саму Церковь.

Третий тезис. К началу Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь перестала существовать как религиозная институция. Она полностью и окончательно исчезла с исчезновением духовного сословия.

Четвертый тезис (самый главный). В 1943 году решением правительства была создана новая религиозная организация — РПЦ МП, которая не имела никакой институциональной связи с предыдущей церковной структурой. Иными словами, апостольская преемственность прервалась.

Пятый тезис. В послевоенный период, вплоть

до 1991 года, новая религиозная организация РПЦ МП руководствовалась в своей деятельности исключительно целями и интересами советского государства, а не церковного народа.

Шестой тезис. В постсоветское время Церковь сохранила тот же характер отношений с государством, что и при советской власти, но в новой форме. Государство клерикализировалось, а Церковь обмирщилась.

На основании этих шести тезисов носителям православного религиозного сознания настойчиво навязывается следующий вывод: Церковь из Тела Христова превратилась в мирское учреждение. То есть исчезла. Ее больше нет.

Именно эти идеи ежедневно в той или иной форме спрягаются и склоняются на православных сайтах устами многих церковных журналистов и духовенства. Устами самих православных пропагандируется та ложная идеологическая концепция, которую нам сформулировали противники христианства.

Повторю. Если при советской власти все силы были направлены на то, чтобы доказать, что Бога нет, то сегодня осуществляется попытка убрать Церковь как мистический институт, как *ekklesia*, как собрание и соединение живых и мертвых. Доказать, что она давно уже исчезла. Исчезновение Церкви — это разрыв со Христом и разрыв внутри сообщества верных. Если не удастся вытравить

из религиозной народной памяти самого Христа, то возникают попытки перекрыть к Нему путь через таинственную суть Церкви.

Эту цель поставили перед собой богоборцы и немало преуспели в этом, если судить по умонастроениям активных публицистов из числа мирян и духовенства.

Данную теорию разрушает одна-единственная историческая фигура — Патриарх Сергей (Страгородский), которому удалось сохранить апостольскую преемственность в Русской Православной Церкви и тем самым сохранить ее саму. Именно поэтому его имя очерняется на протяжении уже 70 лет. Именно поэтому осуществляются постоянные попытки доказать, что Патриарх Сергей был неканоничен, нелегитимен, нравственно и богословски несостоятелен и так далее. А на деле он оказывается единственным звеном, которое соединяет Церковь дореволюционную с Церковью нынешней, звеном, которое разбивает всю эту стройную концепцию из шести тезисов. Если антихристианам удастся выбить это звено из сознания членов Церкви, значит, удастся утвердить в православном сообществе мысль о том, что перед войной Церковь окончательно исчезла и мы пребываем в некой новой самосвятской структуре. Соответственно, все хиротонии, все крещения и остальные таинства недействительны и самого русского православия не существует уже несколько десятилетий.

Александр Щипков

Советской власти нет, но сегодня перед Церковью возникли новые, не менее опасные угрозы. Чтобы им противостоять, нужно ясно понимать, какие идеологические приемы и исторические подтасовки используются в борьбе с нами.

В предисловии к книге Татьяны Щипковой «Женский портрет в тюремном интерьере» Патриарх Кирилл сказал, что складывается ложное ощущение, что нас сегодня окружает реальность, «не требующая никаких особых усилий, чтобы исповедовать Христа».

Усилия требуются. Именно от нас.

О письме Березовского

Когда-то имя Бориса Березовского не требовало уточнений. Позднее понадобилась оговорка: не о знаменитом ли пианисте идет речь? Теперь это имя, изредка всплывающее в новостях, лишь напоминает о далекой эпохе «первоначального накопления». Поэтому, когда Березовский вдруг публикует пафосное политическое письмо Патриарху Кириллу, это выглядит как-то мелко. О чем вообще речь? Что за суета?

Если верить Березовскому, в России уже назрел момент для передачи власти от Путина... а непонятно пока, кому именно. Автор письма не уточняет, кого же он хочет видеть на этом ответственном посту. Но ссылается на важность исторического момента и особо подчеркивает: если политическая ситуация в России будет развиваться по неверному, с его точки зрения, сценарию, страна может соскользнуть к кровавой смуте. И чтобы этого не произошло, необходимо вмешательство Церкви. А что делать — мы научим.

Борис Абрамович берет Святейшего под

локоть как равного и нашептывает, нашептывает. Соблазнься, вмешайся, замути! А я уж тут и вынырну! И показывает из-под полы яблоко.

О недостатке этикета говорить не будем, поскольку документ этот, вопреки названию, адресован, вероятно, совсем не Патриарху. И шансы получить ответ от Святейшего, безусловно, нулевые. Русский Патриарх на «открытые письма» и анонимки не отвечает.

Тем не менее текст Березовского существует, опубликован и обсуждается. Мало того, позже появилось еще одно, аналогичное письмо, но адресованное Путину. С похожими «предложениями», столь же прозрачными шансами на прочтение и с той же попыткой встать в один ряд с крупными политическими фигурами современной российской политики.

Похоже, автор не схватывает до конца ситуации. Усиление оппозиции свидетельствует о начале выздоровления, а не о летальном исходе. Кризис власти в России существует пока что только на бумаге. Градус протестов в стране далек от точки кипения. И позиция здравых сил сводится к тому, чтобы начать процесс серьезных перемен, связанных прежде всего с экономикой и социалкой, а не с отладкой выборных «счетчиков», как это склонна понимать «Единая Россия», при этом не допустить скатывания ситуации к гражданскому противостоянию.

В общем, наша задача сегодня — разминировать политическое поле. Размежевать партию власти и саму власть. И когда в такой ситуации лицо во всех смыслах постороннее начинает пугать Патриарха «кровью», используя при этом наполовину ультимативный лексикон, вывод очевиден: автор письма выдает свое желаемое за наше действительное.

Сам Березовский, кажется, когда-то высоко ценил Фрейда и обожал анализировать разные «оговорки». Здесь оговорку совершил он сам — заговорив о крови. Заметьте — первым. Похоже, это как раз то, чего ему не хватает, чтобы обозначиться в российской политике.

Единственное, что удивляет, это отдельные комментарии в православной Сети, которые почему-то настойчиво и подобострастно внушают читателю величие и громадность фигуры лондонского «ссылного» и представляют его действительным и мощным врагом Церкви.

Как бы ни стремился Березовский показать себя равновеликим таким фигурам российской политики, как Путин или Патриарх, это попросту несравнимые величины. И политические проблемы даже куда большего масштаба вряд ли способны эти величины сблизить.

Это не письма Парвуса. Это письма Паниковского.

Новая интеллигенция и модернизация России

В прессе и блогосфере активно обсуждается тема «новой интеллигенции». Пока ее существование лишь рабочая гипотеза. Тем не менее редакция «Московских новостей» уже поспешила составить списки так называемых новых интеллигентов. Туда попали очень разные люди: от добровольных помощников инвалидам до губернатора и праворосса Никиты Белых. Вопиющая несоразмерность кандидатур и стремление определить представителей «прослойки» простым назначающим жестом смешны, но закономерны.

Интеллигенция давно умерла как сословие: социальное расслоение не обошло ее стороной. Место интеллигенции занимают яппи и «креативные» менеджеры. И те и другие лишены коллективных моральных рефлексий, и уже поэтому никакой «новой интеллигенции» из них получиться не может.

Зачем в таком случае потребовалось навязывать им сомнительный титул и убеждать общество в подлинности такой коронации?

ЧАСТЬ 1

Стыдные тайны старой интеллигенции

Взглянем на прошлое интеллигентского сословия. Не случайно оно не дает покоя нынешним соцтехнологам, ищущим с фонарем и собаками новых интеллигентов. Ведь многие из этих энтузиастов сами родом из бывшей советской интеллигенции. Бывшая интеллигенция решила заняться собой? Похоже, что так. Или, говоря философским языком, перешла в режим самоописания. А значит, к традиционным вопросам интеллигента: «Что делать?», «Кто виноват?», «С кем вы, мастера культуры?» и «Куда мы катимся?» Пришло время добавить еще один, главный: «Что же такое интеллигенция?»

МЕССИАНИЗМ

Интеллигенция появилась в условиях бюрократического государства и сразу стала прослойкой так называемых лишних людей. Она не была готова служить самодержавной власти, но и идти на сближение с народом не хотела. Точнее, народники попытались повернуть в сторону народа, но 1905 год многих отрезвил.

В вечном выпадении интеллигенции из общества и состоит ее сущность. Это «нигилизм без веры», как было замечено авторами сборника «Вехи». Интеллигенция в основном варилась в соку соб-

ственных идей, а точнее, превратно понятых достижений европейских интеллектуалов. И торговалась с властью: «Власть, дай порулить, за это мы будем верно служить». И власть, и народ интеллигенция пыталась учить цивилизованному «жизтью», указывала, каким должно быть, по ее мнению, «современное общество» — тон разговора, абсолютно немыслимый для европейца. Интеллигенты не хотели быть управляемыми, но желали управлять сами. И не случайно у интеллигенции, наряду с общепринятыми, были свои любимые культурные ценности. Как заметил кто-то из историков, у советской интеллигенции была своя религия — Стругацкие, своя идеология — Сахаров. Любимые книжки — Бабель, Ильф и Петров, Рыбаков. Любимый театр — Таганка.

Невостребованный мессианизм интеллигенции еще больше отдалял ее и от власти, и от народа. Так продолжалось до 1917 года, когда интеллигенция наконец-то порулила, на короткое время сама став властью, пока ее не подвинул рабоче-крестьянский кадровый призыв. Но это интеллигенцию ничему не научило. Снова начались муки фальшивой оппозиционности. Вековая смесь преданности власти и мнимого фрондерства — явление предельно выморочное. Неудивительно, что их коллективная идентичность держалась не на социальной роли, а на системе мифов, самую интеллигенцией выдуманных.

МИФ ОБ ОППОЗИЦИОННОСТИ

Торг с властью есть главная профессия интеллигенции. Она никогда не была оппозиционна по-настоящему, но хотела быть при власти и иметь преимущественное право наставлять общество. Например, за право быть критиками власти при власти боролись в советское время шестидесятники и получили свое. Власти в то время понадобились «оппозиционеры». В такие периоды все происходило в рамках консенсуса: интеллигенция всегда колебалась вместе с генеральной линией. Каждый такой «медовый месяц» с властью они называли «оттепелью», а его прекращение — «заморозками».

Дело в том, что без опоры на власть функция самопровозглашенного общественного наставника невозможна: никто не станет слушать. Именно поэтому интеллигенция втайне очень любит власть. Сия любовь является важным условием ее выживания. Это и есть главная тайна интеллигентского сословия.

Впрочем, иногда представители мессианства «проговариваются», как это сделал однажды Михаил Гершензон, заявивший после выхода сборника «Вехи»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех козней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

За эту фразу его заклевали, Гершензон вынужден был уйти из либерального «Вестника Европы». Но заклевали именно потому, что Гершензон случайно брякнул правду. Отношения в треугольнике «власть — интеллигенция — народ» полностью исчерпываются его формулой.

МИФ О ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВЕ

Интеллигенция чаще всего представляет себя сословием просветителей в дикой, отсталой азиатской стране. Говорили о просвещении народа, но фактически претендовали на роль нового дворянства. Особый статус — право «пасти народы», — по мнению вождей интеллигенции, должен был быть им обеспечен властью исключительно за их культурно-образовательный ценз. Чистейшее мессианство. Попутно заметим, что конечной целью введения ЕГЭ, платного среднего образования и сокращения вузов как раз и является выведение народа за рамки этого ценза.

МИФ О СВОБОДЕ

Свобода не для всех, а только для себя — это уже не свобода, а привилегия. Именно так понимала свободу интеллигенция. «Права и свободы», а вернее, привилегии, которых они требовали от власти, были по сути аналогом законов о вольности дворянства.

Допустим, у меньшей части интеллигенции после 1991 года появилось право печататься и говорить с телеэкрана. А в чем свобода остальных, свобода большинства, которое не издают и не пускают на ТВ? Это интеллигенцию отнюдь (как говаривал Егор Гайдар) не волновало. Вот историческая аналогия, проясняющая дело.

Сюжет первый. После выхода указа о вольности дворянства крестьяне решили, что теперь должен быть указ о вольности крестьянства. Ходили слухи о том, что в южных губерниях уже дают вольную и дарят землю. Но время шло, указа все не было. Крестьяне стали бунтовать, примкнули к казацкому восстанию Пугачёва. И заплатили за это кровью.

Сюжет второй. После негласного «указа о вольности интеллигенции» в перестройку народ решил, что будет и указ о вольности народа. Поверил в перестройку, поддержал новую власть — Ельцина и его команду, признал переворот 1991 года. Но на место ЦК пришла либеральная номенклатура, которая присвоила собственность КПСС и уничтожила индустрию. Протесты были подавлены войсками в 1993 году, а сами волнения объявлены «сговором коммунистов и нацистов». Интеллигенция в 1993-м шумно поддержала власть, написав знаменитое позорное «Письмо 42-х» (напомнить имена?) с пламенным призывом: «Господин президент, раздавите гадину!» Делиться свободой интеллигенция не захотела.

Вообще интеллигенция по своей природе предель-

но авторитарна. Называя себя «культурной прослойкой», «приличными» людьми, она любит вводить критерии пригодности: какие люди «рукопожатны», а какие нет. Не случайно большевики — интеллигенты в квадрате. Авторитаризм большевиков весь вышел из интеллигентской традиции. Из идеи о цивилизаторской деятельности в отсталой стране.

МИФ О ЕВРОПЕИЗМЕ

Вторая тайна интеллигентского сословия, кроме пламенной любви к власти, состоит в следующем. Оно не является интеллектуальным классом и не состоит из людей европейской культуры. Союз «и» здесь не случаен: эти два качества по сути одно и то же. В Европе и Америке под «интеллигенцией» вообще не принято понимать сословие или класс. Там этим словом называют людей умственного труда. Другое дело — элита, интеллектуалы (как правило, «на службе ее величества»). А вот российская интеллигенция склонна считать себя элитой общества. Хотя не создавала собственных ценностей и не была интеллектуальным классом.

По большому счету со времен Петра Чаадаева интеллигенция занималась перетолковыванием европейской культуры, называя это западничеством. Либо развивала идеологию правящего режима, называя это патриотизмом.

А если режим был либеральным, то обе функции совпадали, являя собой наиболее полную картину общественной деятельности интеллигенции: отсюда пошло расхожее выражение «либеральная жандармерия».

Собственно говоря, государство в России, взятое в пределе, в своей высшей точке, — это и есть «либерализм» для верхов и диктатура для низов. Соединить обе сущности в одну и объяснить, что это и есть «модернизация», — вот главная задача, которую власть может поставить сегодня перед интеллигенцией, если в очередной раз призовет ее на службу. Этому-то и добиваются писатели, которые гуляют по бульварам и величают себя «новой интеллигенцией». Не сословие, а сувенир какой-то!

МИФ О ДИАЛОГЕ С ЦЕРКОВЬЮ

Его практически никогда не было. Достаточно почитать, что говорили о религии члены Петербургских религиозных собраний. Даже консервативный Василий Розанов думал, как «соединить Эрос и Христа». А сегодня интеллигенция усиленно навязывает Церкви секулярную реформу. Какой уж тут диалог? Интеллигенция всегда была крайне необразованна в вопросах религии как в начале XX века, так и в его конце. Статьи и фильмы об интеллигенции, спасшей православие от гибели в 70-е годы — очередной миф интеллигенции о самой себе.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СЕГОДНЯ

В начале «нулевых» в Москве был открыт памятник интеллигенции. Выглядит он так: Пегас парит над абстрактной композицией из стальных шипов. Обычно памятники ставят либо посмертно, либо за особый статус при жизни. Настоящий памятник «самой себе» — это то, строительством чего российская интеллигенция занималась на протяжении всей своей истории. Сегодня в этом памятнике явлены оба качества российской интеллигенции. Во-первых, она потерпела историческое поражение и умерла. Во-вторых, комплекс избранности, мессианизм интеллигенции — и есть ее памятник себе самой.

Смерть интеллигенции закономерна. Она не выдержала экзамена ни на интеллектуальную пригодность, ни на нравственную зрелость, ни даже на верность самой себе.

В начале 90-х годов интеллигенция перестала быть единым вольнолюбивым сословием, которое в СССР слонялось «между НИИ и царством Свободы». В рыночных условиях произошло окончательное расслоение и размежевание интеллигенции. Большая ее часть, нестатусные интеллигенты, были названы новой властью бюджетниками, приравнены к люмпенам и превращены в отбросы общества. В подавляющем большинстве бывшая прослойка советских образованцев направилась по трем направлениям: в эмиграцию, в челноки и в

запой. Порвалась цепь времен. Меньшая часть — статусная интеллигенция — пошла на службу к власти и начала прославлять новый порядок. Ни те, ни другие даже не задумались о свободе, о которой они так много рассуждали во время оно.

Так откуда же взяться новой интеллигенции сейчас, кто и для чего ее придумывает и создает?

ЧАСТЬ 2

Создание новой интеллигенции

Как мы уже говорили выше, явление в мир новых интеллигентов провозгласили «Московские новости». Их отличие от большей части дорогих россиян, если верить газете, — это наличие гражданской сознательности и ответственности за судьбу страны. Названные добродетели, как выяснилось, и привели этих людей на «снежные» митинги, откуда они вышли уже «новыми интеллигентами». Как это получилось, никто не знает.

Вообще-то явление нового человека — знакомая тема для тех, кто родился и жил в СССР. Но советские идеологи склонны были объяснять этот процесс строго научно. А современные знатоки коллективных душ рождение нового сословия объяснили по всем правилам космогонического мифа: мол, все происходит из ничего. Кем же господа новые интеллигенты были раньше? А никем. Это люди, мораль-

но преобразившиеся на волне снежных протестов и передвижных майданов. Просто моральное начало в них раньше дремало. Но случилась Болотная, случился проспект Сахарова — и оно проснулось. Вот почему они могут теперь носить гордое звание интеллигента. Не поверите, но списки «ударников» морального преображения тут же составили и опубликовали. На сайте «МН» в разделе «Мы вас представляем» (вот прямо так, черным по белому) повесили два списка образцовых нью-интеллигентов. Кого только там нет. Рестораторы, владельцы прачечных, общественники...

К сожалению, торжественное открытие доски почета омрачилось небольшим затруднением. Уважаемое издание внезапно призналось, что оно, «как и вся страна», истово, но безуспешно пытается «дать определение новому социальному слою, который, как оказалось, появился за последние годы в России».

Для верности «МН» сослались на реплику героя, явно не своего романа, Владислава Суркова, который назвал этих новых людей «рассерженными горожанами». В тон Суркову колумнист «МН» Виктория Мусвик предложила именовать этих существ «невидимыми людьми». А еще, настаивает газета, они — «бандерлоги», «креативный класс», «взбунтовавшиеся хипстеры», «офисный планктон», «заевшиеся москвичи»...

Определений более чем достаточно. Самим своим количеством определения эти создают весьма насы-

ценную среду — «гул языка», как сказал бы философ и критик Ролан Барт. Гул этот подобен концентрированному соляному раствору: того и гляди выпадут кристаллики. Вот из этого гула, как водится, и родился миф. О новом гегемоне. Креативном и неведомом.

Слово «гегемон» употреблено здесь неслучайно. Дело в том, что «новая интеллигенция», если принять во внимание обстоятельства ее рождения, культурный уровень и социальные амбиции, похожа не столько на интеллигенцию старую, сколько на пролетариат. Во-первых, ближайшая задача «новых интеллигентов», как когда-то рабочего класса, — политически просветить и увлечь обывателя, привести его на митинг. Во-вторых, искусственность происхождения.

Когда-то красная власть наделала «гегемонов» из бывших крестьян, отлучив их от земли и согнав в города. Интеллигентам сегодня тем более неоткуда взяться. Ведь старая интеллигенция — «лишние люди», энтузиасты из «НИИ ЧАВО» сегодня уничтожены как класс и массово не воспроизводятся. Вся надежда на виртуальные технологии. На создание медийного образа.

МЕТОД ПРОФЕССОРА ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Не зря Михаил Афанасьевич облек советский социальный эксперимент по получению Шариковых

в медицинскую метафору. Что-то в этом роде затеяли, судя по всему, с нью-интеллигенцией. Но поскольку на дворе не военный коммунизм, а денежный феодализм, то и гегемон у нас соответствующий. В основном это тот самый офисный планктон. Сейчас на дворе «модернизация» (нано, твиттер, Большая Труба, пенсионеры капут). Нынешние соцтехнологи не озаботились даже такой малостью, как придумывание для новейшей офисной генерации моральных принципов. Они просто присвоили менеджерам, а заодно хипстерам и прочей соцфауне титул «интеллигентов». А чтобы не слишком бросалось в глаза несоответствие, добавили эпитет: «новые». И точка.

Тут, правда, можно возразить: не все «новые интеллигенты» происходят из офисного планктона, не всех можно отнести к миддл-классу. Ведь, как справедливо замечают в «МН», «даже материальный статус этих людей очень разный — от полунинищего аспиранта до крупного бизнесмена». С крупным бизнесменом дорогая редакция, может, и погорячилась. А в остальном все верно.

Фокус, однако, в том, что принадлежность к миддл-классу в России, в отличие от Европы, не вопрос достатка или статуса. Это вопрос нравов и идеологии. Взгляните на результаты опросов и удивитесь. Средним классом считают себя и миллионеры, и люди с месячным доходом в 45 000 рублей. Middle class по-русски — это убеждения (неолиберализм), вкусы (дешевый гламур) и вполне кон-

кретная мифология (нет бога кроме прогресса).

Кто-то когда-то назвал нацизм идеологией лавочников. Сегодняшний социал-дарвинизм — это идеология менеджеров. Специалистов по подсчету чужих денег, чужих идей и чужих продуктов труда. А также тех — и они куда многочисленнее — кто хотел бы походить на них. Менеджеров по духу, а не по букве.

Тех, кто разделяет эту идеологию, во много раз больше, чем самого «офисного планктона». Недаром вся экономика услуг работает на этот стандарт. Пиар-агентства, дистрибьюторы, девелоперы, провайдеры, рестораторы, банкиры, мерчандайзеры, дизайнеры, юристы, эксперты и проч.

Большая часть прессы и ТВ, все заметные «контенты» обслуживают «манагеров». Еженедельники и «интеллектуальный глянец» — для манагера. Просто глянец и женские журналы, фитнес, спа — для супруги манагера. Подростковое чтение, гаджеты, шоу-биз — для его детей. Плюс сериалы из жизни подобных особей, «стильные» кафе, магазины образа жизни. И — «умная беллетристика» в лице Б. Акунина и прочих. С вечным «интеллектуальным» сюсюканьем и ободряющим похлопыванием по плечу: молодец, читатель, не забыл основы школьной программы.

Вот такой наборчик. А ведь настоящий планктон — это менее 10% населения страны. Но многие все равно едят-читают-смотрят все то же самое.

Когда меньшинство талантливо прикидывается большинством, это и называется гегемонией. «Новая интеллигенция» идет тем же самым путем, точнее, ее ведут.

Манагер сказал — манагер сделал. К «офисным» пришли гипофиз — моральные императивы старой интеллигенции. Чтобы получить на выходе нечто облагороженное. Эксперимент только начался.

Александр Архангельский сетует: «Они не ощущают себя особым избранным сословием, которому история поручила давать всему моральные оценки... С одной стороны, им не присуще чувство народного избранничества, а с другой — они меряют исторический процесс моральным мерилom».

Ребятам для простоты объяснили, что мораль и нравственность — это когда у нас на выборах мухлюют, а они выходят на площадь и требуют прекратить безобразие, млея от своей гражданской сознательности. Это делает их лидерами общества, избранными людьми, уполномоченными давать всему моральные оценки. «Новая интеллигенция должна быть политически активной», — утверждает «МН».

Вроде все ясно. А вот поди ж ты. Приживаются императивы плоховато. Но постепенно опытный экземпляр, конечно, доведут до ума и отключат от аппаратов. А что дальше? А дальше — продолжение опыта. И... улучшение исходного материала.

Александр Архангельский уточняет: «Как ни

удивительно, но впервые в русской истории зарабатывать денег и общественное служение перестали быть двумя вещами несовместными. Кем был раньше русский, да и советский интеллигент? Он не умел обращаться с деньгами, презирал тех, кто умел их зарабатывать. Старый интеллигент служил бескорыстно, то есть бесплатно. Сейчас все иначе. Новые интеллигенты очень часто оказываются в бизнесе». Это ключевая фраза. Вот теперь окончательно ясно, каким будет следующий «материал» для опытов. «Капитаны бизнеса» и сегодня присутствуют в списках нью-интеллигентов, вывешенных «МН».

Разумеется, это элементарная подмена, перевертыш. Ведь можно было начать с другого конца и сказать: бизнес у нас нынче пошел интеллигентный и морально ответственный. Готов строить детдома, давать на храмы, на социалку. Но за такие заявления в лучшем случае сразу засмеют. Всем известно, что делают с нашей социалкой юргенсы и кудрины и для чего в России благотворительность. Кстати, еще в начале «нулевых» писательница Татьяна Толстая на полном серьезе объявила конкурс на прозу, где бы героем был «бизнесмен с человеческим лицом». То есть с социальной ответственностью. И сборник рассказов с такими «лицами», кажется, опубликован. Почти одновременно с историями о добрых и справедливых милиционерах.

Создатели новой прослойки переворачивают

проблему на 180 градусов, как шахматную доску. Какие такие олигархи? Нет, просто этот парень, ну этот, новый интеллигент... ответственный такой. Он вообще-то еще и бизнесом подрабатывает... Да кто бы сомневался.

МОРАЛЬ НОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Без моральной риторики рождение нового гегемона не обошлось. От его провозвестников то и дело приходится слышать, что, мол, власть очень цинична, развращает общество. А задача неоинтеллигентов — внести в нашу жизнь старые, добрые, но хорошо забытые ценности. Смешно. Но смеяться нет сил.

Власть заинтересована в цинизме подданных. Так ими проще управлять. Но в обществе, где господствует самодержавие денег, цинизм понижает все сословия. Циничен бизнес — потому и намерен одеваться в шкуру интеллигенции. Цинична гуманитарная прослойка, сочиняющая новых интеллигентов и выдувающая из своей дудочки красивые социальные фантомы.

Общество, которое не чувствует себя нацией, обречено на цинизм. Рассуждения в духе академика Д. Лихачева об экологии души и т. п. сегодня могут вызвать опять же только смех.

К счастью, у нас есть опыт 90-х. И обмануть нас снова будет не так просто. Сегодня никто не полезет за «Новым миром» в поисках поводов для размыш-

лений и руководства к действию. И не станет слушать вождей «новой интеллигенции».

Сейчас эти вожди много говорят о политической ответственности. Мы помним, как они толкали власть к кровавой расправе в 93-м, навязывали стране номенклатурный передел собственности. Сегодня они научились ругать власть, будучи при власти. Определяя ее курс, устами министров требуя срочно уменьшить количество образованных людей в стране. Как точно заметил кто-то из левых лидеров, «совершенно очевидно, что те, кто выступал в качестве лидеров протеста, были в отношении к протесту такими же точно узурпаторами, как, с их точки зрения, власть была по отношению к обществу в целом. И даже может быть в большей степени, потому что поддержка власти в обществе все равно была выше, чем поддержка оппозиционных лидеров среди их же собственных сторонников». Именно так это и называется. Обыкновенный цинизм.

Но это все по части морали. А как обстоит дело с идеологией?

ИДЕОЛОГИЯ НОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Это вопрос куда более конкретный, а главное — насущный. Ведь, чтобы «рассерженный горожанин» легко вжился в предложенную роль, его надо просветить и политически образовать. Объяснить,

что полезно и что вредно для общества, о котором ему, согласно его новому статусу, надлежит думать денно и ночью.

Как известно, официальной идеологией, вложенной в том числе и в уста «новых интеллигентов», у нас является теория модернизации. Мы более-менее знаем, что это такое. Это нанофильтры в дополнение к ржавой нефтяной трубе. Это амнистия капиталов. Это деградация науки, армии и индустрии. Это реформация православия плюс секвестр всего на свете — бесплатного образования и медицины, пенсионного возраста, родительских прав. Ну и регулярное хождение на митинги.

Если опыт доведут до конца, все эти «ценности» новому гегемону придется принять, а затем заставить принимать и нас. Поэтому следует сказать пару слов об их происхождении.

После развала СССР и упразднения истмата в статусе интеллектуально модных побывало множество общественных теорий. Теория тоталитаризма, конфликта цивилизаций, конца истории и проч. Не последнее место среди них занимает теория модернизации. Суть ее, если коротко, в следующем: развитые страны указывают менее развитым их путь. Менее развитые усваивают идеологию первых и проходят их стадии развития — в общем, модернизируются.

Возникла эта теория в 50–60-е годы и использовалась для контроля за бывшими колониями. Эти

самые колонии, страны третьего мира, получили политическую свободу, но их нужно было вторично привязать к себе. Уже экономически. В период разрядки теория модернизации окончательно была признана несерьезной и пропагандистской. Работы независимых исследователей показали, что метрополии вовсе не нуждаются в новых конкурентах и потому, используя свое влияние и финансовые инструменты, напротив, консервируют и тормозят развитие стран-аутсайдеров. Но после краха СССР теорию модернизации вновь вытащили из чулана, чтобы применить к «новичкам» из бывшего Восточного блока. Вот и вся разгадка. Вот с чем мы имели дело раньше и имеем сейчас. Вот с чем нам предстоит иметь дело в будущем.

Именно «новой интеллигенции» поручено закатать эту капсулу в «толстый-толстый слой шоколада», состоящий из гуманитарных ценностей. И эти люди будут служить нам моральным камертоном и являть чудеса гражданственности.

А нам остается лишь наблюдать, удастся ли «новой интеллигенции» заставить Владимира Путина вновь взять ее на службу и бюджетный кошт? Думаю, что удастся...

Истоки и смысл либерал-православной субкультуры

Воколоцерковных кругах во второй половине XX века начала формироваться особая социально-политическая субкультура — либерал-православие. Сегодня, как и тогда, разговор с православными приверженцами либеральных ценностей у «большой» Церкви не складывается. Это свидетельствует не только о столкновении взглядов, но и о серьезной проблеме с коммуникацией. Причина — накопление взаимных претензий. Речь идет всякий раз о том, кто виноват в этом взаимном недовольстве. О том, кто «ищет врагов».

По ту сторону церковной ограды

Надо оговориться: серьезное напряжение в отношениях между группой православных либералов и широкими церковными массами возникло в последние полтора-два года. Оно совпало с началом массированного информационного давления на РПЦ, развернутого в СМИ после объявления

о начале московской «Программы-200» по строительству модульных храмов, введения ОПК и принятия реституционных актов осенью 2010 года. Все это было помножено на грядущие думские и президентские выборы и вылилось в мощную антицерковную кампанию, которая, по выражению Сергея Миронова, «перешла границы светской этики и здравого смысла».

В общем, на завершающем этапе президентства Дмитрия Медведева в России начали «кошмарить» Русскую Православную Церковь. Публичные оскорбления православных в эфире стали нормой. Окружение одного из кандидатов в президенты уже прямым текстом заявляло о необходимости борьбы с церковным влиянием в обществе — как всегда, эта цель маскировалась «отделением Церкви от государства», на которое Церковь, разумеется, не посягала.

Был сформулирован и предложен стране заказ на глобальную реконструкцию ряда общественных норм и институтов. Все это обозначили крайне размытым термином «модернизация». Согласно авторам проекта, это игра в социальные и технические догонялки с «цивилизованными» странами, которая при сохранении ущербного олигархического строя и сырьевого вектора экономики заранее обречена. «Модернизация» началась с социальных программ: мы видим, что общество пытаются поставить под жесткий контроль введением ювенальной

юстиции, расслоить при помощи платных образования и медицины, секвестировать образовательные стандарты, уменьшить количество вузов, сломать пенсионку. А в качестве приманки были выдвинуты Сколково, технопарки — парад идейных гаджетов. При этом надо помнить, что либералы «во дворянстве» и либералы «несистемной оппозиции» существуют в одной идеологической парадигме.

Естественно, Церковь в этой ситуации попала под подозрение, как это уже было и сто лет назад: «Она неблагонадежна!» Церковь представляется архитекторам «модернизации» одним из самых немодернизируемых институтов. Ее требовалось либо приручить и использовать, либо убрать с дороги. Попробовали приспособить к делу.

«Несистемные» предложили священноначалию отдать свой голос в пользу передвижных уличных майданов, даром что их рядовые участники и вожди, торгующиеся с властью, приходили на Болотную с разными ожиданиями и требованиями. А главное — намерениями. А уж сколько открытых писем было написано в это время Патриарху, сразу и не вспомнить. Из них можно составить отдельную архивную папку.

Разумеется, Церковь на баррикады не пошла. И не только потому, что это противоречит ее особой миссии в обществе, но и потому, что баррикады были вполне бутафорскими. Вожди белых ленточек узурпировали протесты масс и стали торговать ими

так же хладнокровно, как Кремль собрал в закрома молчаливое согласие своего электората.

Церковь сохранила нейтралитет. Но лозунг «модернизаторов» был и остается прежним: кто не с нами — тот против нас! И они начали бить на поражение.

Достаточно красноречиво выглядит даже провокация акционисток РР — отчаянная попытка политизировать Церковь при помощи «шоковой терапии». Оскорбляя православных верующих и топча святыни.

Казалось бы, в эту минуту православным группам и общинам следовало бы забыть междоусобицы, обиды и прекратить выяснение отношений до лучших времен. В лагере консервативном и социал-центристском это поняли. А вот сравнительно малочисленная группа либерал-православных не приняла ситуацию как «пожарную».

ОСЕДЛАТЬ СМУТУ

Именно в этот «удачный» момент либерал-интеллигенция выдвинула Церкви множество странных и страстных упреков, главные из которых — несовременность и авторитарность. Они говорят: «РПЦ фактически является единственной крупной и влиятельной христианской церковью в мире, чуждой принципам демократии и прав человека».

Вместо прежней Церкви им нужна такая,

которая была бы продолжением светских общественных институтов. А ее духовность должна стать продолжением «плюралистической» (на деле часто авторитарной) светской морали. В этой версии христианство призвано лишь подтверждать чужой выбор. И обязано заменить свой теоцентризм — «я в системе Божьего мира» — на нечто совсем иное — «Бог в моем внутреннем мире». Такой карманный «бог в душе», разумеется, ни к чему всерьез не обязывает.

Либерал-православная группа активна и не отстывает. В унисон с антицерковной кампанией, развернутой либералами-атеистами она предъявляет Церкви требования во все более ультимативном тоне. Например, под самые выборы активизировали критику так называемого сергианства. Этот термин был невероятно раздут и распространен как на нынешнюю Церковь, так и на синодальную. Расчет строился на том, что если Сергия Страгородского удастся представить исторически некондиционной фигурой, «ненастоящим» патриархом, то и легитимность современной РПЦ окажется под вопросом. А точнее, под ударом. Игры и эксперименты такого рода как минимум безответственны, особенно во время внешнего давления на Церковь.

А уж когда власти отреагировали на провокацию, устроенную акционистками PR, либерал-православные заняли абсолютно светскую позицию, выдвинув ряд петиций властям — мол, «художнику

все можно, отпустите их, изверги, сатрапы». А когда единоверцы их не поддержали, нервные либерал-православные восплакали о том, что «церкви больше нет», «наш дом обезлюдел». И пугнули: «Мы можем уйти».

Все это было обставлено как «исход интеллигенции из церкви». Когда не удалось «научить уму-разуму» церковное сообщество, эти люди предпочли обидеться. Понятно, что бежать и хватать их за фалды никто не стал: сами уйдут, сами и вернуться. Если захотят. Но неверную модель поведения нельзя так просто взять и сломать: пятилетний ребенок, если его игнорировать, не сразу перестанет биться в истерике. Так и с церковной либеральной ойкуменой. Но только масштаб и цена такой истерики гораздо выше.

И вот уже некоторые представители указанного лагеря откровенно нагнетают ситуацию, говоря о том, что Церковь утрачивает влияние (среди кого?). И даже о «неизбежном расколе в Церкви» — тем самым фактически призывая и подталкивая к такому расколу.

Попытка диалога

У «большой» Церкви не возникло желания начать охоту на ведьм. Хотя любые критические замечания часто воспринимались противоположной стороной именно так.

Но терпимость терпимостью, а прямой разговор до сих пор так и не состоялся. Между тем сегодня он нужен как никогда. Сама постановка вопроса: совместимы ли православие и либерализм — была бы несколько схоластической, если бы адепты либерал-православия постоянно не противопоставляли друг другу два своих равно любимых базиса: духовный и идейный. Следовательно, разговор необходим. Меньше всего хотелось бы вести такой разговор в режиме конфронтации и взаимных обвинений.

Порой к нам, на портал Religare.ru, обращаются представители этой православной «культуры-два», искренне пытающиеся разобраться в происходящем. Спрашивают, почему мы говорим об обособленной либеральной субкультуре внутри Церкви и об антиклерикальной богеме, атакующей Церковь снаружи (антирелигиозные выставки, Тер-Оганьян, Гельман, Толоконникова и др.). Не ищем ли мы в самом деле врагов, вменяя кому-то свои собственные фобии? Не напрасно ли проводим «границы», не окажутся ли в итоге все без исключения православные в «черте оседлости», — беспокоятся они. И нервничают, если мы указываем на их мессианизм, самоизбранность, религиозный нарциссизм и учительство. Хотя все это вместе, бесспорно, и составляет отличительные черты любой субкультуры.

Мы спорим с оппонентами не по поводу критики священноначалия, а по поводу глубинных мировоз-

зренческих вопросов. Мы никогда не употребляем термин «враги церкви». Наша цель — погасить, а не разжечь страсти. У нас есть своя позиция, и политическая, и церковная. Мы ее не скрываем. Она находится на стыке консерватизма и левых взглядов, то есть дважды не-либеральная. Поэтому мы с нашей позицией находимся между двух огней. Мы пишем об этом прямо, без эзоповщины.

Государство проводит либеральный курс. Чиновничий произвол ничуть этому курсу не противоречит, скорее наоборот. Либерализм может быть и часто бывает авторитарным. Например, на словах наша власть не против православия. Но при этом либералы во власти на всех уровнях мешают строить храмы, изучать в школе ОПК — да что там, теперь уже и обычный курс русской литературы пойдет под нож, — тормозят введение института капелланов в армии. А главное, как могут, натравливают СМИ на Церковь и православных верующих.

А что делать нам? Ждать, пока Церковь разрушат? Если это произойдет, то не как-нибудь, а при поддержке внутрицерковных либералов, одни из которых до крайности наивны, а другие циничны до безобразия.

Как же так? — отвечают нам. — В вашей позиции мы чувствуем угрозу. Мы-то ведь всегда считали, еще с 70-х годов прошлого века, и продолжаем с гордостью считать, что принадлежим к внутрицерковным либералам, защитникам религиозной

свободы. Ведь врагами Церкви всегда были и остаются большевики.

Увы, это устаревшая формула.

История не стоит на месте. Мы же хорошо знаем, как бывшие американские троцкисты вроде Пола Вулфовица превратились в записных неоконнов. И это на протяжении всего одного поколения! Что же говорить, когда поколений больше одного? Сегодня с Церковью воюют не комиссары в пыльных шлемах, а их на первый взгляд «толерантные» оппоненты и... последователи. Вот лишь один пример. Разговаривая с одним из так называемых демократов первой волны (его имя по понятным причинам не называем), один из наших православных активистов услышал удивительное откровение:

— Мы проморгали церковь.

— То есть? Как изволите вас понимать?

— Да вот так. Пока мы боролись с КПСС, тщились вывести ее на суд истории, церковь превратилась в реакционнейшую организацию. Эта реакция пустила сильные корни.

— Вы серьезно?

— Более чем. Мы совершили фатальную ошибку. Слишком увлеклись декоммунизацией. А надо было не отменять, а оставить в силе советский закон о религии. Этот закон был бы сейчас чрезвычайно полезен. Тогда бы церковь знала свое место.

Ну, разве все это не симптоматично?

Наша ошибка заключается в том, что мы смо-

трим на современную ситуацию глазами нашей молодости. По привычке делим мир на нас (православных) и большевиков-гонителей. Но ведь большевики были гонителями православия не из каких-нибудь политэкономических соображений, а потому что партийный контингент состоял из богоборцев. Которым в других обстоятельствах довелось бы быть не большевиками, а скажем, эсерами или анархистами. Они шли в революцию для того, чтобы сломать православную парадигму. История так распорядилась, что сделали они это под большевистским флагом. Флаг мог быть другим. Первичны всегда глубинные мировоззренческие позиции, а не сиюминутные политические.

Сегодняшние светские либералы в большинстве своем не принимают Христа. Они борются с Ним. А значит, и с нами как членами Церкви Христовой. Это главное. Богоборцы в России сохранились (и всегда будут существовать), но за сто прошедших лет у них поменялись политические взгляды. Теперь они за «рынок» (преимущественно финансовый и сырьевой), за ВТО, за секвестр образования, пенсий, семейных ценностей — всего на свете. Даже мы с вами для них всего лишь «непрофильный актив». Но для нас важны не политические позиции, а религиозные. Так вот по глубинной сути нынешние либералы — продолжатели богоборческого вектора большевиков.

Но то либералы светские. Церковные «либе-

ралы» — явление иного порядка. Все они — обычные верующие, люди с традиционным православным сознанием. Но их политические взгляды совпадают с политическими взглядами светских богоборческих либералов. И тут церковные либералы попадают в ловушку: они пытаются оправдать все, что делают светские, пытаются найти в их действиях что-то светлое и позитивное. Глубинного противоречия во всем этом они не ощущают. А ведь это так просто.

Нельзя быть одновременно верующим в вопросах метафизики и морали и социал-дарвинистом (выступая за «свободную» конкуренцию, то есть естественный отбор в обществе) в вопросах социальных. Невозможно иметь две морали на разные случаи жизни — религиозную и политическую.

Политическое горение часто вытесняет в человеке горение религиозное, и возникает путаница в сознании. Просто нужно суметь в себе это разделить. Ибо сказано: «Не мир пришел Я принести, но меч». Это не о том мече, который вложил в ножны апостол Петр. А о том, который отделяет подлинное от шелухи и зерна от плевел.

Стыдно мне за други своя

Есть у церковных либералов еще одна черта, которую трудно не заметить. Иногда она прямо бросается в глаза. Они очень часто стыдятся своей Церкви. Осуждают ее не за реальные грехи реальных личностей или не только за них. А так, в целом. За то, что «косная», «замшелая», «не соответствует» требованиям времени. Не станем продлевать список — здесь может быть очень много разных «не». Заметим лишь, что время не может иметь требования само по себе, что «дух времени» делают люди, их ежедневный выбор. А люди могут быть разными. Тогда как метафизика современности (назовем так вышеназванную позицию) — просто типичное и по-своему милое суеверие людей рационального склада. Такая разновидность стыда — не за себя, а за других, которые что-то должны «времени», как и ощущение себя в статусе доверенного лица современности — это в чем-то очень детские умонастроения. Дело только в том, что умонастроения эти исторически свойственны немалой части российской интеллигенции.

Вместо гражданского долга ими овладевает гражданский стыд.

Стыд может быть только личным — за свои поступки, а не за несоответствие чьих-то мнений. Митрополит Антоний Сурожский, когда был жив, неоднократно касался этого вопроса. Он говорил: я принадлежу к поколению, которое избрало верность Русской Православной Церкви Московского Патриархата в момент ее гонения. В момент, когда быть верным Московскому Патриархату в эмиграции считалось неприличным, едва ли не политической изменой. Именно поэтому митрополит Антоний не мог позволить себе уйти под другую юрисдикцию. Он чувствовал себя частью Церкви и, как бы плохо ей не было, этой частью оставался. Антонию не было стыдно за своих единомыслителей.

Обидно — могло быть, но эта боль души требует не осуждения, а помощи. Точно так же благодарные дети не стыдятся своих родителей, а помогают им в беде. Именно это качество берегут в себе русские церковные люди. Даже позор по причине неблагоприятных поступков клириков они готовы разделить и пережить. А уж вопрос об императивах современности, о требованиях светского общества и вовсе не может быть причиной стыда.

Кто-то из классиков сказал: прогресс сиюминутен, он сам себя отрицает. Его требования меняются как перчатки. Церковь же говорит о вечном — в этом ее основание. Быть министерством по духов-

ным делам она, разумеется, не должна и не может. Движение в эту сторону наблюдалось в синодальный период — и опыт оказался не слишком удовлетворительным. Стыд — очень важное и нужное чувство для христианина, но когда он возникает по отношению к себе.

Однако либерализм требует все время предъявлять Церкви требования не изнутри, а со стороны. Соблюсти идейный и политический дресс-код, уступить политкорректности и прочим «правилам хорошего тона». Поскольку эти настоячивые требования невыполнимы (да и попросту не по адресу), либерал мучительно краснеет и терзается. Он не знает, как ему совместить свою совесть и критерии гражданского вкуса. Он готов верить и искренне верит. Но чтобы вера была так сказать откутюр — с томиком Улицкой в руках. И он верит, несмотря ни на что, — и испытывает вечное внутреннее раздвоение.

Неготовность разделить с Церковью поношение — это, конечно, серьезная трагедия для души христианина. Но таков уж исторический код русской интеллигенции. Об этом ложном стыде не раз говорил Достоевский. Например, описывая людей, подобных Степану Верховенскому, который любил «гражданскую роль» и жил «воплощенной укоризной» отчизне. Этим людям трудно преодолеть раздвоенность, но рано или поздно они делают свой выбор между религиозным и политическим.

Александр Щипков

Выбор этот на самом-то деле прост. Ведь Христос сказал: *«Ибо кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей и Отца и святых Ангелов»* (Лк 9.23–27).

Путин и мавзолей

Вновь предложено убрать тело Ленина с Красной площади. На этот раз инициатива исходит от министра культуры Владимира Мединского, что само по себе примечательно. До сих пор подобные призывы если и поступали от официальных лиц, то куда менее статусных.

Промыслительно эта тема реанимирована в первые дни президентства Владимира Путина. Вольно или невольно этим шагом задается стилистика действий власти на годы вперед. Тем более что захоронение — акт не только символический, но и политический.

ПРОЛЕТАРСКИЙ ВОЖДЬ НА СЛУЖБЕ У НОВОГО РЕЖИМА

Мавзолей, не в пример другим явлениям советской «монументальной пропаганды», имеет особую судьбу. В период «декоммунизации», когда советские памятники стаскивали с постаментов, Мавзолей оставался открытым для посетителей. Правда,

покушаться на него стало модно. У прогрессивной демократической общественности это считалось хорошим тоном, как и требование люстрации бывших партийных кадров. В обоих случаях исполнители гневных тирад набирали политические очки, но воз не двигался с места. Жизнь идей и реальная политика — не одно и то же.

Пока политологи разбирались с моральными аспектами коммунизма и преимуществами «открытого мышления», в стране нарастала люмпенизация, закрывались градообразующие предприятия, люди теряли работу. Обуржуазившаяся партийная бюрократия под видом приватизации экспроприировала у страны лакомые сырьевые активы и пускала под нож большую часть индустрии. Перестройка была проведена наиболее активными эшелонами партноменклатуры в ее собственных интересах. Сочетание программы новой экспроприации с резкой антиленинской риторикой власти, конечно, не было случайным.

Масштабный передел собственности потребовал столь же глобального пропагандистского проекта, который идейно и стилистически был оформлен как «превентивные меры против возможного красного реванша». А наглядным символом спящего красного Ктулху, который того и гляди проснется, стал, конечно же, Мавзолей.

При этом буквально во всех действиях власти сквозил самый натуральный неоленинизм.

Ударными темпами проводилась (строго по Ленину) экспроприация экспроприаторов. Но представить все происходящее было задумано именно как борьбу с коммунизмом. А потому «вечно живой» покойник в мраморной усыпальнице был совершенно необходим «команде» Ельцина. Веки Ленину искусственно поднимали — и коммунистический Вий вновь становился политическим пугалом. Обычно это происходило под выборы или тогда, когда влиятельные люди шли на распил очередного куска советской экономики.

КОММУНИСТИЧЕСКО-ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КОНСЕНСУС МЕНЬШИНСТВА

Нельзя сказать, что оптимизация истории является чисто российским изобретением. Любой истеблишмент подходит к историческим образам утилитарно. Хозяева экономической и политической реальности конвертируют их, приспособлявая под текущие задачи. Те, кто мог претендовать на место под солнцем в ельцинской России, давно сложили партбилеты и обзавелась триколорами, но СМИ регулярно создавали иллюзию новой красной угрозы. По ТВ показывали бабушек с серпастыми плакатами и заходящихся в мегафонном крике коммунистических вождей.

Разумеется, все это время «демократическая общественность» не уставала твердить, что Ленина

с Красной площади необходимо убрать, а газеты пестрели заметками о «языческом сооружении в центре столицы». Но никому не приходило в голову сделать это на самом деле. Когда Анатолий Чубайс клялся, что «вбил гвоздь в крышку гроба русского коммунизма», он и не помышлял посягать на тот самый реальный саркофаг.

Так либералы и коммунисты поделили советское наследство. Одним досталась собственность и политический карт-бланш, другие приобрели монопольное право говорить от имени социалистических ценностей. В обоих случаях «мандатом» служило тело Ленина — и реальное, и его исторический образ. Когда-то по поводу первого президента СССР шутили: Михаил Сергеевич, мол, въехал в Кремль на гробах. А режиму Ельцина понадобился один-единственный гроб, чтобы гипнотизировать страну вплоть до самого дефолта.

На самом деле вторая жизнь пролетарского вождя должна была не просто создать коммунистическо-либеральный консенсус. Требовалось утвердить выгодную власти разметку политического поля, в рамках которой социализм в России мог быть только большевистским и обязан был ходить 7 ноября с красными флагами. Консерватизм же и вовсе сводился к маргинальным посиделкам в Союзе писателей. Все остальное — либеральный мейнстрим.

Этот концепт российской политики был едва ли не важнее сиюминутной антикоммунистиче-

ской кампании. Соединение левых и консервативных идей было заблокировано намертво. Что неудивительно: ведь подобное соединение стало бы приговором компрадорскому режиму Новой России. Но времена меняются.

ЛЕВОКОНСЕРВАТИВНЫЙ КОНСЕНСУС БОЛЬШИНСТВА

Первые признаки перемены погоды появились осенью 1998 года. На самом деле уже тогда начинался «путинский период» в истории новейшей истории. Приведем лишь одну фразу будущего президента, сказанную им под самые выборы. Когда корреспонденты по привычке спросили его об угрозе коммунистического реванша, Владимир Путин как-то пожал плечами: «Дались вам эти коммунисты...». Это было что-то новое. Раньше государственные мужи хмурили брови и начинали пафосный разговор на тему «Никогда больше...».

Годы путинского президентства оказались противоречивыми. Закончилась кавказская война, но регион посадили на «дотации». Государство наладило контроль за стратегическими сферами, но вывоз капитала продолжался астрономическими темпами, влияя даже на бюджетную политику. Но было очевидно одно: при Путине власть перестала брать население на испуг. Закончились истерики по поводу неминуемой гражданской войны,

которую-де не сегодня завтра могут развязать коммунисты. Мавзолей с его содержимым в сущности стал не нужен. Ни власти, ни коммунистам. И о нем на время забыли.

Период «стабилизации» закончен. Его итоги небесспорны. Но очевидно, что в период очередного путинского президентства общество вступает в новую фазу. Перед Владимиром Путиным и его окружением сейчас стоит сложная задача. Она связана с созданием в обществе нового консенсуса на основе традиционных ценностей и социальных приоритетов. Неизбежен поворот власти к интересам большинства — это, собственно, и есть путь к реальной демократии.

Сегодня вопрос о местонахождении тела Ленина вновь становится актуальным. В течение двадцати лет власть была неспособна его решить. Но сейчас это не только возможно, но и необходимо.

Захоронение Ленина стало бы сильнейшим символическим жестом президента Путина. Знаком того, что он готов подвести черту сразу под двумя эпохами. Как под коммунистической, так и под либерально-олигархической: и в ту и в другую Ленин оставался важной фигурой.

Вынос из мавзолея символа двух последних эпох нужен и затем, чтобы не дать небольшевикам повода утверждать, будто «мертвые хватают живых», и пугать народ новым ГУЛАГом. Мертвые вожди не восстанут. Живых всегда хватают живые.

Сегодняшний аналог ГУЛАГа — это проекты ювенальной юстиции, торговля людьми, борьба с социальными гарантиями и системой образования, легализация понижательной демографической политики. Со всем этим в ближайшие годы должно быть покончено.

В такой ситуации надуманный спор (а на деле консенсус) либералов и коммунистов уже попросту неактуален. Нас ждет смена политической парадигмы. Идеальный конфликт в ближайшем будущем развернется не между коммунистами и либералами (в России это две части одного целого). Он будет проходить между либерально-коммунистическим меньшинством и левоконсервативным большинством. Тем самым большинством, которое бьет грабительскими тарифами, нищенскими зарплатами, унижает борьбой с семейными ценностями, с традиционной религией и символами национальной истории.

Консерваторов и социалистов успешно разделяли дважды — и в 1917-м, и в 1991-м. Делается это и сейчас. Ведь их возможный консенсус — это кошмарный сон либералов. Против такого консенсуса до сих пор направлены все их медийные пушки. И пока еще это работает. В общественном сознании сейчас наблюдается то, что социологи называют «спиралью молчания». Это когда большинство согласно с общей идеей, но еще не может или боится ее сформулировать открыто. А активное

меньшинство навязывает то, что нужно ему: ваучеры, ГКО, ювеналку, оранжевый майдан. И берет молчаливое большинство на поводок. Социокультурный код, который в этом случае искусственно воспроизводится в обществе, — «геном революционера». Сегодня видны первые признаки активации нормального кода — «генома традиции».

Чтобы этот код был запущен, необходимо сделать несколько шагов, в том числе и знаковых. И среди них захоронение тела Ленина.

Если власть на этот раз похоронит Ленина, она сдаст тест на политическую зрелость. Не только потому, что тело вождя под кремлевской стеной оскорбляет национальные и религиозные чувства. Но и потому, что тем самым будет ясно дано понять: власть отныне не нуждается в дешевом спектакле с красными мумиями.

Будет ли это сделано? Если тактическое чутье не подведет Владимира Путина, он закроет последнюю страницу русской ленинианы. У истории есть законы, которые срабатывают в любом случае. Как бы ни оценивали потомки нынешний режим в целом, в заслугу Владимиру Путину будет поставлено как минимум две вещи. Во-первых, воссоединение русских Церквей, РПЦ и РПЦЗ — свершившийся факт, от которого никуда не денешься. Вторым таким событием должно стать захоронение тела Ленина.

И это не просто знаковый момент. России пора

Территория Церкви

освободиться от ложных альтернатив и символов. Иного пути в мир реальной политики у нас просто нет. Приходит время политиков левых взглядов, не связанных советской корпоративностью и номенклатурными постами, но разделяющих традиционные ценности.

Содержание

Предисловие. Сергей Миронов	7
20 лет религиозной свободы. Предисловие автора	12
Беспредельный антиклерикализм	20
Храмы нужны для консолидации христиан	28
Территория Церкви	32
О Поясе Богородицы и «офонаревших» паломниках	45
Парламентские партии и Церковь	52
За что «кошмарят» Церковь	67
Информационная атака на Церковь	74
За кого голосовали православные	81
Панк-молебен, поэзия и кровь	89
Холодный теракт	98
Путин. Потеря сакрального	102
Параллельные миры Медведева	107
Церковь перед угрозой секулярной реформации	111
Как заставить Церковь бороться с государством	118
Как разрушить Церковь. Инструкция	122
О письме Березовского	127
Новая интеллигенция и модернизация России	130
Истоки и смысл либерал-православной субкультуры	150
Стыдно мне за други своя	161
Путин и мавзолей	165

Издательство ИНДРИК
2012, Москва, www.indrik.ru
ISBN 978-5-91674-220-6
УДК 2(470+322) ББК 86.3097 Ш 86
Напечатано в России